

На осколках тумана

Автор:

Наталья Ручей

На осколках тумана

Наталья Ручей

– Я хочу ее.

– Что? – доносится до меня удивленный голос.

Значит, я сказал это вслух.

– Я хочу ее купить, – пожав плечами, спокойно киваю на фотографию, как будто изначально вкладывал в свои слова именно этот смысл.

На самом деле я уже принял решение: женщина, которая смотрит на меня с этой фотографии, будет моей.

И только.

Наталья Ручей

На осколках тумана

Наталья Ручей

* * *

Глава № 1. Даша

– Тебе нужно выбить его из головы, – говорит Ольга. – Новое знакомство, новые отношения, новый любовник... понимаешь?

Я согласно киваю.

От наших общих знакомых я знаю, что у Кости стабильные отношения с новой девушкой. Знаю, что ее зовут Тамарой, и она на целых десять лет младше меня. Так же по секрету мне сообщают, что давно не видели его настолько счастливым. И что Тамара живет не только в его квартире, но и в его сердце, он влюблен в нее, как мальчишка. А я взрослая девочка и должна понимать, что три месяца – слишком долгий срок, чтобы надеяться на то, что он может вернуться ко мне.

Взрослая девочка, да.

Но даже спустя тридцать шесть дней я все еще не могу смириться с тем, что наш разрыв навсегда.

Возможно, я цепляюсь за эту ниточку отношений, потому что Костя мне так и не сказал, что их уже нет. Он вообще мне ничего не сказал.

Он просто однажды исчез. Сообщил, что у него много работы, и он сам позвонит, когда станет немного свободней, вернее, сразу приедет ко мне, но...

Целую неделю черный экран телефона смотрит на меня с молчаливым упреком. А когда я решаюсь позвонить Косте сама, мой звонок постоянно сбрасывается, не успев сделать и второго гудка.

Помню, как мчусь в такси по ночному городу к Ольге, потому что не знаю точного адреса Кости – новостройки, новый район, я была там всего пару раз, в основном мы встречались на моей территории. Помню испуганный взгляд подруги, когда я появляюсь у нее на пороге с криком, что Костя пропал и с ним что-то случилось. Помню, как она звонит Косте со своего телефона, а он ей

неожиданно отвечает. С первой попытки, после второго гудка, который у меня не проходит.

Они говорят...

Я порываюсь взять телефон, но Ольга качает головой, отходит в сторону от меня и слушает, слушает дальше то, что ей говорит Костя. А вскоре взгляд подруги становится уже не испуганным, а сочувственным, с нотой вины.

– Даша, все... – выдыхает она после разговора.

И именно она сообщает, что Костя влюбился в другую. Она, а не он.

– Но... – хриплю я, не в силах продолжить, не в силах поверить, что не ослышалась, и с трудом выталкиваю из себя еще одно слово. – Как...

– Я не знаю, – она замолкает, не решаясь продолжить, а потом видимо, приходит к выводу, что это мне хоть как-то может помочь, и признается. – Даша, ему сейчас тоже плохо, потому что он влюбился, а вот эта девочка в него – еще нет.

Становится ли мне легче?

Нет.

Я словно попадаю в какой-то запаянный купол, из которого наблюдаю за жизнью, а сама тщетно жду, когда кто-нибудь выпустит меня на свободу. Но с каждым днем дышать в этой стеклянной тюрьме становится все сложнее. Большой город становится слишком маленьким, и наши общие знакомые как будто намеренно так часто попадают на глаза, чтобы поставить в известность о том, как там Костя.

Благодаря им я в курсе, когда именно девушка наконец отвечает ему взаимностью и переезжает к нему в квартиру. По слухам, они даже подумывают о свадьбе, потому что и родители девушки, и она сама смирились с такой разницей в возрасте.

– Еще бы, – добавляют многозначительно те, кто сообщает об этом факте, – это любовь.

Как будто я понятия не имею, что это за чувство. И как будто до этого Костя не говорил, что любит меня.

– Конечно, – вздыхают они сочувственно, – ты по возрасту ему подходишь гораздо больше, но...

И замолкают, предлагая продолжить самой, что по всем остальным параметрам новая девушка подходит Косте куда лучше, чем я.

Но я хватаюсь даже за эту малость, убеждая себя, что ей восемнадцать, ему тридцать два – и кто-то из них должен опомниться, что это слишком огромный разрыв. Она ведь практически девочка. Он – взрослый мужчина. Но календарь отсчитывает уже не дни, не недели, а месяцы, а в их отношениях ничего не меняется. Они по-прежнему вместе.

И я начинаю копать в себе, искать причину, почему даже наши общие знакомые считают меня для Кости менее подходящей партией. Придирчиво рассматриваю свое отражение в зеркале, но оно причины не называет. Многие мужчины находят меня не красивой, но симпатичной, многие говорят, что у меня очаровательная улыбка – и я растягиваю губы, чтобы взглянуть на эту теперь редкую гостью. Зеленые глаза, длинные светлые волосы, пухлые губы, фигура благодаря тренировкам в порядке – что не так? Чем та девушка лучше? Не знаю, тем более что по слухам она тоже блондинка и даже чем-то напоминает меня.

– Чем она лучше, Оль? – спрашиваю подругу, когда ответ не приходит.

Оля мне ближе других, она знает обо мне практически все, а еще она хорошо знает Костю, потому что именно она и познакомила меня с ним.

– Ничем, – отвечает она.

Мне так плохо, что не хочется возвращаться в чужие коммунальные стены, которые я арендую. Там невозможно остаться одной, кажется, что каждый твой шаг отслеживается и фиксируется, чтобы потом было что обсудить с другими

соседями коммуналки.

На ночь я остаюсь у подруги, и наконец получаю ответ на вопрос, который так долго терзает.

Случайность, которая открывает глаза...

Просыпаюсь ночью от сильной жажды, иду на кухню, и слышу, как мама Ольги ей говорит:

- Гадаете - гадаете, а тут и гадать нечего. Даша - не местная. У нее нет ни богатых родителей, ни квартиры, а сейчас это важно. В одной квартире живешь, а вторую сдаешь. Это вклад в семью. У новой девушки Кости все это есть. А какой вклад в семью может сделать твоя подруга?

Я слышу, как Оля спорит, доказывает, что это обязанность мужчины - обеспечить семью и привести девушку в свой дом. Но ее мама отмахивается.

- Можешь думать, что хочешь, а правда - она другая. Ни одна мать не захочет, чтобы сын приводил в дом невестку ни с чем. Да и твоего будущего мужа я без ничего не впущу, - слышится тягостный вздох. - Пропишется, оттяпает половину квартиры, и что потом? Нет, Даша хорошая девушка, и я уверена, что у нее этого в мыслях нет, но это я ее хорошо знаю, потому что вы давно дружите. А другие? Н-да, если бы она была местной...

Обратно в комнату я крадусь по стеночке, потому что в ушах стоит шум, а перед глазами как белесая пелена. Сажусь на кровать, смотрю на Луну, которая робко заглядывает в окошко. И здесь, в чужом доме, в темноте, за закрытой дверью, когда точно никто не увидит и не услышит, позволяю себе взглянуть правде в глаза - жестко, больно, без романтических прикрас.

Мама Оли права...

И, кажется, я теперь понимаю не только причину того, почему меня бросил Костя. Но почему так же, спонтанно и без каких-либо объяснений разрушились мои предыдущие отношения.

Объяснения в любви, намеки на совместное будущее, обсуждение, какие кольца мне нравятся больше...

А потом молчаливое расставание, бегство и переданная через общих знакомых просьба не звонить, как будто я сутками висела на телефоне.

Квартиру с такими ценами я вряд ли куплю, возвращаться в свой город не планирую – здесь работа, друзья, здесь вся моя жизнь, так что...

Похоже, единственный вариант отношений с мужчиной, который доступен мне – это временная любовница.

От которой вот так просто уйти.

Глава № 2

Бессонная ночь самоуничужения сказывается только на внешности, а кардинально ничего не решает. Мне все еще хочется позвонить Косте, хочется услышать его голос или, что скорее всего, заставить его поставить эту злополучную точку, без которой я не могу двигаться дальше.

Утром я прошу Ольгу дать мне свой телефон, она мнетя, нервно сдувает со лба длинную черную челку, пытается перевести тему, заговорить меня, а потом не выдерживает.

– Не могу, Даш, – отказывает подруга, а заметив мой взгляд, буквально взрывается. – У тебя много друзей, а у меня только двое! Ты и он. И я не хочу терять никого из вас!

Весьма сомнительное утверждение насчет того, что у меня много друзей. Скорее, много знакомых. Потому что никому из них я не могу вот так, открыто показать, что еще не отболело в груди, ноет, зудит, тянет, как случайно оставшийся в десне корень зуба.

– Отпусти его, Даш, – уговаривает подруга. – Помнишь, мы с тобой говорили недавно: новое знакомство, новый резвый любовник...

– Желательно, состоятельный, потому что у меня за душой ничего нет, – добавляю я с учетом того, что говорила мама моей подруги.

– И хорошо бы вам поскорее подумать о том, чтобы родить ребенка, – мечтательно вздыхает подруга. – Ну а что? Нам обеим пора об этом подумать. Но мне первой страшно, я как подумаю... как подумаю... ух! А вот ты все расскажешь, я настроюсь, поверю тебе. К тому же, ты на целых полгода старше меня! Мне кажется, все справедливо!

Я смеюсь.

Даю обещание присмотреться к другим мужчинам, которые меня окружают. И правда пытаюсь хотя бы на этот раз, спустя месяцы, что Костя счастлив с другой, отпустить его.

Горжусь тем, что не покупаю новую сим-карту, хотя это проще простого. Отвлекаюсь на работу, на тренировки, на скупое общение с соседями по коммуналке, которые «радуют» новостью, что пока меня дома нет, туда заходит хозяйка комнаты.

Но отсутствие откровенного, пусть и последнего разговора, держит в подвешенном состоянии. Да и сердце просит хоть как-нибудь действовать. Ему все еще кажется, что все, что произошло с нами – ошибка, помутнение, кризис.

А гордость и здравый смысл останавливают, тормозят, не позволяют шагнуть открыто. Скорее всего, они понимают, что это шаг в никуда.

И я вторгаюсь в мир Кости единственным способом, который тешит сердце и смиряет гордость-гордыню. Единственным способом, когда вроде бы и опять рядом, и так, чтобы не заметили, не указали на двери.

Его любимые песни звучат в плейлисте на моем телефоне, а ночью я включаю музыкальный канал, без которого ему было трудно уснуть.

Теперь не могу уснуть я, даже с этим каналом.

Смотрю на мелькающие картинки, и думаю: а вдруг и он сейчас смотрит? Нет, это не то же самое, что одновременно смотреть на звезды – такое у нас было раньше. А теперь вместо настоящей близости суррогат – через экран, отголосками чужих голосов, которые говорят вместо нас.

Как назло, на работе тоже начинает не ладиться, и мне не удастся нырнуть в нее с головой. Появляются новые заказчики, они готовы платить за сотрудников, которых я им найду, но вакансии неинтересные, неперспективные, и будь ты даже крутым HR-ом крутого рекрутингового агентства, люди идти не хотят.

Бесконечные поиски, нескончаемые телефонные разговоры, толпы соискателей, которые проходят через меня за день, и нулевой результат. В конце недели меня заслуженно вызывает на «ковер» мое руководство.

– Мне не нужна массовка, – говорит строго Татьяна Борисовна, – мне нужно, чтобы были закрыты вакансии. А то, что вы делаете... в этом месяце я буду должна из своего личного кармана заплатить за аренду офиса. Это не бизнес. Я бы давно сама закрыла эти вакансии, но я вместе с Дмитрием Викторовичем занимаюсь рекламой. Ответственность за эти минуса исключительно на вас, Даша.

После этого разговора, я спускаюсь в магазинчик у нашего бизнес-центра, покупаю сигареты и зажигалку, и на час прописываюсь в курилке. Разочарование перекрывает тоску по Косте, и я с мазохистским удовольствием в сотый раз прокручиваю в голове слова своей начальницы, с которыми, как всегда, согласен Дмитрий Викторович. Ну а как иначе, если они любовники?

Обидно. И кажется несправедливым. Они ведь сами переманили меня с прежней работы, завлекли хорошими процентами и обещанием, что всегда готовы помочь. А в итоге отстранились полностью от заказов, и да, теперь прибыль нашей компании из троих человек целиком зависела от меня.

Мысль об увольнении крутится вокруг меня очень назойливо, ее не отпугивает даже такое количество дыма. Но ужас в том, что я не могу себе этого позволить. Попросту не могу. Скоро платить за аренду жилья, а здесь, если постараться и сделать невероятное, и закрыть эти немыслимые вакансии, меня ждет хороший

процент.

Я настолько изматываю себя мыслями о работе, о том, что все вокруг меня просто разваливается, что вечером бездумно и без малейшего звука просматриваю клипы на музыкальном канале. Раздражаюсь от того, что в углу экрана мелькает дурацкий чат, по которому бегут строки одиночества этого города, но взять в руки пульт не могу, несмотря на то, что он лежит рядом.

Кто-то кого-то ищет, кто-то назначает кому-то встречу, кто-то признается кому-то в любви. Но в основном обещают невероятное – любить всю жизнь, носить на руках с первой встречи, ну и остальную романтику.

А я читаю все это светлое и воздушное и машинально отмечаю лишь дикое количество ошибок в чужих сообщениях.

Смешно.

Да и вранье это все – те цели, которые озвучены для знакомства.

На самом деле мужчинам нужно просто перепихнуться, а девушкам-неудачницам вроде меня, которые бездарно упустили все шансы на счастье в реальности, нужен тот, кто их вытянет из этой трясины.

Мне становится настолько невыносимо читать этот бред из притворства, что я не выдерживаю. Беру телефон и отправляю честное сообщение, с учетом всех своих обстоятельств. Так, для примера:

«Хочу встретить спонсора, чтобы родить от него ребенка и по возможности сделать их обоих счастливыми».

И удивленно выдыхаю, когда практически мгновенно вижу свое сообщение на экране телевизора. Вот только в отличие от тысяч лживых признаний, которые сегодня уже мелькали, мое появляется с моим номером телефона в конце.

И с комментарием админа, который пропустил это сообщение в чат: «Удачи – потом расскажешь?»

А еще через пару мгновений мой телефон практически разрывается от звонков и сообщений неизвестных абонентов, которые готовы дать мне именно то, что я не постеснялась озвучить.

Н-да, никогда не думала, что в нашем городе столько бездетных и непристроенных спонсоров.

Глава № 3. Артем

Лина носится по гостиной со скоростью сумасшедшей белки, наверное, думая, что если она уберет с моих глаз разбросанную одежду, то и воспоминания вытрет. Она что-то бормочет, пытается оправдаться, но это уже не имеет смысла.

Я даже не разбираю того, что она говорит – просто смотрю на то, как порхает белыми крыльями ее пеньюар. Мне нравится этот цвет невинности – он словно контраст с порочным ртом, который умело отсасывал.

Но теперь я отчетливо понимаю, что суть не изменится, даже если заставить ее носить маску, которая жмет.

Лина запикивает в шкаф собранные вещи одним разноцветным комком, и на секунду я даже верю, что действительно для нее что-то значу. Она трясется над дорогими тряпками как дракон над сокровищами, но понимает, что я не буду ждать, пока она разгладит все складочки.

– Артем, – нервно выдохнув, она разворачивается ко мне и уверенно заявляет. – Это не повод для расставания!

Я потираю костяшки пальцев, смотрю на женщину перед собой и пытаюсь вкурить тот факт, что оказался участником мелодрамы. Но Лина принимает мое молчание за сомнение. Я вижу довольный блеск в ее темно-карих глазах, она поднимает вверх руки, делая вид, что поправляет прическу, и ее пеньюар призывно распаивается, чтобы я увидел, чего могу лишиться по глупости.

Окидываю безразличным взглядом красивое подтянуто тело, чуть задерживаюсь на пышной груди, которую мне нравилось мять пальцами, сжимать ладонями, опускаюсь к длинным ногам, которыми она раньше жадно обхватывала меня, а всего десять минут назад с не меньшей жадностью – другого чувака, которого я с нее снял.

Нет, глупостью было думать, что отношения, которые начались с минета в машине, приведут к чему-нибудь путному.

Я молча выхожу в другую комнату. Стряхиваю пыль со своего чемодана, скидываю в него свои немногочисленные вещи. Я слышу, как Лина входит в спальню практически следом за мной. Держится минуту, и я уже надеюсь, что мы обойдемся без лишних пустых разговоров, но нет.

– Артем, – она втискивается между мной и шкафом, цепко хватая меня за руку, и прикладывает мою ладонь к своей груди, прекрасно зная, как мне это нравилось раньше.

Она дышит тяжело, имитируя возбуждение, которое на нее мгновенно нахлынуло, хотя я не делаю ничего. Не сжимаю ее соски, не прокатываю их между своими пальцами и уж, конечно, не собираюсь лизать их.

– Нам же так хорошо вместе, – она изгибается и трется о мои пальцы сама, добиваясь того, чтобы ее соски затвердели.

Пытаюсь убрать ладонь, но она прижимается сильнее, и уже не только грудью, но и всем обнаженным телом. И тут же приподнимает ногу, закидывает ее на мое бедро и трется мартовской кошкой о пах, начиная постанывать.

Ее стон очень похож на те стоны, которые она издавала, когда была подо мной, но только сейчас я замечаю, насколько он неестественный. Нет, она действительно возбуждается – я вижу, как расширяются ее зрачки, на лице появляется румянец уже не от испуга, что ее застали не вовремя, и я уверен, что если засуну сейчас в нее палец, она будет мокрой.

Но это как стоны в немецком порно, которые заводят, но мало общего имеют с реальностью.

Я одергиваю руку от груди Ланы, спихиваю с себя ее ногу, зачем-то забрасываю в чемодан и костюмы, которые практически не ношу. Наверное, просто не хочу однажды увидеть их на ком-то другом и понять, что он тоже спал с моей женщиной. Моей бывшей женщиной, которую я постараюсь выплюнуть из памяти, едва выйду за двери.

– Артем, ты совершаешь ошибку! – раздраженно бросает Лина.

– Даже если и так, – пожимаю плечами, – не только у тебя на них право.

Я подхожу к столу, отключаю от сети зарядку от ноутбука, но Лина подкрадывается и обнимает меня со спины. Прикладывает голову, дышит горячо, так, что жжет своим дыханием мои лопатки. Знает, как мне это нравилось раньше. И так же знает, что еще мне нравилось после этого проявления близости.

Она медленно обходит меня, запрокидывает голову, всматривается в лицо, как будто видит там что-то необыкновенно красивое, а в это время ее проворные пальцы начинают расстегивать мой ремень.

– Лина, хватит, – пресекаю эти попытки и встряхиваю ее за плечи, удерживая от того, чтобы опустилась передо мной на колени.

– Почему нет? Я поняла, что ошиблась, признала, если хочешь, если это как-то потешит твое самолюбие – убедилась, что ты в сексе лучший любовник, что когда-нибудь у меня был.

Я даже не хочу анализировать то, что она говорит, потому что внутренний счетчик тут же начнет подсчитывать: сколько было этих любовников, и какой у нас счет. Теория вероятностей, которую любил больше всех предметов в универе, не даст успокоиться.

– Давай просто проверим... – ее пальчики порхают по моему ремню, как бы случайно соскальзывая вниз и проверяя – может, уже все наладилось, может, я уже хочу ее снова.

– Лина, – говорю медленно, четко, чтобы она поняла. – Я не сплю с женщиной, которая еще не остыла после другого мужчины.

Мне кажется, хоть это должно ее отрезвить, но с этой женщиной я в который раз ошибаюсь.

– Ты прав, – поддакивает она, поглаживая ладошкой мой пах через джинсы. – Нам просто нужно немного времени. Немного времени – и у нас все будет, как раньше.

Она так старается меня убедить в этой чуши, что я позволяю ей повозиться пару минут, чтобы понять самой – как раньше уже не будет. Разочарованный взгляд вниз, когда она осознает, что, несмотря на ее старания, я действительно ее не хочу, ставит на моем терпении точку.

– Зубную щетку, бритву и прочие мелочи можешь выбросить, – говорю я, потом вспоминаю, что замена мне уже есть, и равнодушно пожимаю плечами. – Или не выбросить.

Я подхватываю свой ноутбук, чемодан, выхожу из комнаты. Но мне удается сделать всего пару шагов, когда Лина снова меня настигает.

– Артем, послушай меня, нам надо поговорить... – просит она, не зная, какую интонацию выбрать: злости, обиды или печали, а потому ее голос звучит странно и непривычно.

– Не очень удачный ход – разговаривать в этой комнате, не находишь?

Она окидывает взглядом гостиную, недоуменно приподнимает черные брови – ну да, что мне может не нравиться, ведь вещей, который снимал с нее незнакомый любовник, на виду уже нет.

Только пустая бутылка шампанского, коробка конфет, к которой подступиться не успели или не захотели, и тот самый музыкальный канал на экране, под который они кувыркались.

Не знаю, как у них получалось, с учетом, что на этом канале все вразнобой. За пятнадцать минут, что я в доме, успеваю послушать и рэп, и рок, и шансон.

- Извини, - отцепляю от себя пальцы Лины, потому что сама она или не хочет, или не может разжать их. - Мне пора.

Она позволяет сделать мне только шаг, и наконец определяется с оттенком эмоций.

- И что дальше, Жиглов?! - кричит со злостью, снова преграждая дорогу. - Что у тебя будет дальше?! Станешь драть на кафель в ванной и ждать ту единственную, которой позволишь заменить свою руку на члене?!

- Хороший план, - соглашаюсь я.

За последний год я научился тому, о чем мечтал мой отец - теперь даже он с трудом различает мои эмоции. И я уверен, Лина понятия не имеет, что на самом деле ей удалось задеть меня своими словами - не сильно, броня намного окрепла, но даже когда ты в броне, а тебя окунают в сгусток зловонья, запах преследует долго.

- Мы - хорошая пара... - бормочет Лина, немного тушуясь.

- Были, - киваю я. - Возможно.

- Ты... - в ее глазах снова появляется злость, - ты никогда не относился ко мне серьезно... никогда не заговаривал, не намекал, что мы однажды поженимся...

- И ты подумала, что если приведешь в дом другого, я тут же сделаю тебе предложение.

Ее кулачки сжимаются, и, наверное, нам обоим было бы легче, если бы она дала мне пощечину, но она снова прибегает к удару словами.

- Ты хоть понимаешь, что у тебя будет после меня?! - выплескивает желчь, которая накопилась за три месяца наших с ней отношений и, как я теперь понимаю, из-за отсутствия кольца на ее безымянном пальце. - Да после меня...

после меня...

Она тщетно ищет угрозу той жизни, которая меня ждет без нее, крутит отчаянно головой, как будто стараясь найти подсказки, которые там мог оставить ее сбежавший любовник, а потом победно тыкает острым коготком в экран телевизора:

- Вот что тебя ждет в лучшем случае!

Не то, чтобы мне было интересно, что она имеет в виду. Машинально поворачиваю голову, и так же машинально читаю строку непонятного содержания:

«Хочу встретить спонсора, чтобы родить от него ребенка и по возможности сделать их обоих счастливыми», - и номер телефона в конце.

- Интересный вариант, - говорю я.

- Интересный?! - взрывается Лина. - Да это же блядь! Продажная блядь, которая открыто говорит, что ей нужно! А мне от тебя никогда... ничего... я же...

- Аренда дома оплачена еще на три месяца, - немного сдуваю комочек белого пуха, которым она так усиленно пытается осыпать себя. - Ноутбук и смартфон, которые ты хотела, доставят завтра - был небольшой нюанс на границе. Прощай, Лина.

Воспользовавшись растерянностью женщины, я оставляю в прихожей ключи и наконец выхожу из дома.

Делаю глубокий вдох, потому что там не хватало свежего воздуха - казалось, что все пропиталось чужим.

Закидываю чемодан и ноутбук в машину, и возвращаюсь домой. Ночь, перед глазами мелькают фары встречных машин.

А еще странное сообщение из музыкального чата - про спонсора, ребенка и счастье для них обоих. С номером телефона в конце.

Глава № 4. Даша

Меньше всего я хочу сейчас участвовать в задушевных беседах с соседями на тему того, что пить можно, потому что это тихо и никому не мешает, курить тоже можно – потому что почти весь дым уходит в форточку, а в туалете даже помогает справиться с микробами, а вот ночные звонки – это зло, потому что мешают уставшему организму восстановиться для новых подвигов. Поэтому мгновенно выключаю на телефоне звук.

Но звонки продолжают – идут один за другим, особо настойчивых уже узнаю по последним цифрам их номера, но отвечать и не думаю.

Мне хватает выхода в вайбер, куда сваливаются сообщения, чтобы понять, что некоторым так называемым спонсорам не помешало бы вложить деньги не в любовницу, а в собственное лечение. У многих явные проблемы с головой, наверное, поэтому они и присылают свои фото не в профиль и анфас, а с другими, более выигрышными, по их мнению, частями тела.

Рассмотрев ассортимент, я уже более благосклонно смотрю на фото с демонстрацией втянутого живота над приспущенными трениками. И даже бицепс почти на весь экран телефона, где на заднем фоне висит на стене одинокий ковер, уже не вызывает отторжения. Потому что в сравнении с другими желающими познакомиться – теми, кто забыл про треники, или забыл, что снял не только их, и в итоге прислал то, что заслоняло обзор фотокамере, это просто душки и джентльмены.

Мне нравится, как сложено мужское тело, но, откровенно говоря, будь я скромной монашкой, которая видит это впервые... Я бы сделала все, чтобы с мужчинами никогда больше не пересекаться.

Сообразив, что по волосатым задницам и членам я уже практически могу угадывать национальность и темперамент, я выключаю телефон. А чтобы теперь ничего не приснилось, впервые за последние месяцы переключая канал, и вместо музыкального, засыпаю под какой-то старенький фильм.

Кажется, даже с чего-то смеюсь...

С практически выключенным телефоном приходится ходить еще несколько дней. Периодически включаю, чтобы проверить – все ли уже поняли, что ко мне пристроить их главную гордость не получится, или нет. Чищу все, что там появляется, всех новеньких блокирую и опять выключаю телефон, потому что иногда мужчины все же бывают настойчивыми.

На работе у нас есть офисный мобильный, так что звонки делаю с него. Много звонков – я все же хочу закрыть хотя бы пять заказов, чтобы было чем заплатить и за аренду офиса, и за собственное жилье.

Работать приходится практически до девяти – десяти вечера, и я настолько устаю и настолько вкладываюсь в эту задачу, что мне удается закрыть три заказа меньше, чем за два дня.

– Молодец! – хвалит меня Татьяна Борисовна. – Теперь бы еще остальные заказы закрыть... Даш, я верю – вы справитесь. А сегодня отдохните, отпускаю вас домой пораньше.

Скупую похвалу выдает и молчаливый Дмитрий Викторович, так что я на какое-то время озадаченно подвисаю. И только гораздо позже, дома, когда собираюсь ложиться спать, несмотря на то, что еще только сереет, я вспоминаю момент, когда Татьяна Борисовна и Дмитрий Викторович многозначительно переглянулись.

Вроде бы ничего особенного – они влюблены друг в друга, и это нормально, постоянно искать любимого взглядом, и все-таки...

Сейчас от этой переглядки, и от какой-то загадочной улыбки моей начальницы, которая вдруг тоже припомнилась, становится не по себе. Настолько, что я невольно передергиваю плечами и даже набрасываю на себя плед, хотя в комнате и не холодно.

Возможно, именно под давлением этого странного ощущения, когда кажется, что к тебе подкрадывается что-то невидимое, я машинально включаю телефон, хотя и собиралась до этого просто лечь, закрыть глаза и спать. И на вайбер тут же падает новое сообщение.

Артем Ж – первое, что я вижу.

Не то, чтобы я не насмотрелась – было у меня за последнюю неделю в вайбере достаточно снимков и Ж, и Ч разных форматов. Ну, здесь хотя бы человек честно предупреждает о том, что именно я увижу, если открою от него сообщение.

А еще мое любопытство подкупает фотография мужчины.

Нет, лица на ней не видно. Просто фигура на пирсе, в обычных джинсах, с капюшоном на голове, издали. Толком не рассмотреть. Но сумерки, когда уставшее за день солнце прячется за горизонтом, и буйные волны, которые пытаются подкрасться к мужчине на фотографии, а тот стоит к ним спиной, полностью игнорируя, словно затягивают в себя.

И мне хочется рассмотреть лицо мужчины, заставить его откинуть капюшон, поднять голову. Почему-то очень хочется увидеть его глаза и понять: серые ли они, как бушующие за ним волны. И хочется спросить: почему все настолько пронизано одиночеством, что, кажется, я его слышу.

Я открываю сообщение и поверить не могу тому, что там вижу. Во-первых, там нет фотографий никаких частей тела. А во-вторых...

«Привет, Даша. Ты знаешь, почему-то мне кажется, что ты тоже любишь сумерки, как и я.»

Я не знаю, что ответить ему.

Не представляю, что написать.

Потому что понятия не имею, почему он написал именно это и... как догадался.

И только спустя пару минут осознаю, что я не удалила его сообщение, не внесла в черный список, а вожу пальцами по буквам, стирая и набирая заново свое сообщение.

«Угадал», – пишет он, не дождавшись ответа.

«А еще я люблю деньги», – напоминаю о том сообщении в чате, чтобы сбавить нотку романтики.

«И детей?» – на полном серьезе интересуется он.

Самое простое – ответить какой-то гадостью, и я знаю, что больше он не напишет. Но я словно слышу тон, которым он спрашивает. Там нет насмешки или язвительности. Живой интерес.

Смотрю на его фотографию, долго смотрю. И понимаю, что не хочу, чтобы это сообщение было последним.

Не знаю почему. Возможно, я просто устала, возможно, перегорела и во мне слишком мало энергии, хочется подпитаться хоть так, от незнакомого человека. А, возможно, мне все-таки хочется попытаться увидеть, рассмотреть, что так настойчиво прячется под этим капюшоном.

«Сообщение в чате было ложью, игрой, – признаюсь я. – На самом деле, я не ищу спонсора и о детях пока не думаю».

«Уверена?»

И я опять зависаю над буквами.

Глава № 5. Артем

У меня идеальная память не только на цифры, в нее забивается много лишнего – того, что вряд ли когда-нибудь пригодится. И сегодня я этим пользуюсь.

Раньше я бы сказал, что вероятность моего звонка по телефону, мелькнувшему в чате – стремится к нулю. А сейчас подсчитываю вероятность того, что девушка мне ответит.

Прошло несколько дней с момента появления ее сообщения в чате. Она могла уже встретить спонсора, с которым в данный момент пытается зачать их ребенка. Могла окрутить его на деньги и бросить, что скорее всего.

А еще высока вероятность, что сообщение писала даже не девушка, а какой-нибудь шизофреник, гей или извращенец, которым своя жизнь кажется скучной, если нет возможности залезть в чью-то другую. И подсматривать за ней, пусть даже так, через своеобразную замочную скважину.

Трудно что-то писать человеку, которого ни разу не видел. Еще труднее – если понятия не имеешь, действительно ли он тот, за кого себя выдает. Но это сообщение мне кажется слишком сложной схемой, чтобы просто повеселиться.

Куда больше шансов увидеть ответы, если написать чушь про то, что мечтаешь встретить любовь всей своей жизни. А еще лучше приписать, что тебе ничего нужно – ни деньги, ни внешность, лишь бы человек был хорошим, и все.

Ну да, что-то далекое от реальности всегда воспринимается легче, в это хочется верить. Наверное, детские сказки не остаются там, в прошлом, а оставляют свой след.

А здесь человек четко определяет то, чего хочет, и именно это меня подкупает.

К тому же, если это окажется какой-нибудь придурок, я не против размяться.

Я зависаю над первой фразой, понятия не имея, с чего начать. А потом вдыхаю в себя сумрачный воздух, поднимаю голову к небу, которое поспешно скрывают черные сгустки, представляю себе девушку, которая могла написать это сообщение, и пальцы скользят по экрану сами, не ища с моей стороны какой-то подсказки.

Просто я вижу ее в этих сумерках. Мне кажется, ее сообщение пронизано сумерками.

И когда я замечаю, как она то вводит ответное сообщение, то удаляет его, понимаю, что угадал.

Она любит сумерки. Как и я. Общение завязалось...

Не помню, чтобы когда-нибудь нервничал при общении с девушкой, но сейчас в мою кровь поступает такая доза адреналина, словно я мчусь по ночной дороге на байке без шлема.

Глупое объявление, глупый поступок того, кто его написал. Ничего глупее раньше не видел.

Но когда она медлит с ответом, не говоря, все ли в ее сообщении было игрой, я как полный придурок, сжимаю в ладони телефон и мысленно прошу ее: «Давай, давай уже, скажи «да»! Напиши это долбанное «да». Это несложно, всего одно слово».

Но Даша не только не отвечает – она выходит из сети, как будто до ужаса боится двух букв.

И я разочарованно выдыхаю.

Смешная. Бояться нужно не правды – другого. Хотя бы того, что для правды окажется слишком поздно.

– Не замерз? – раздается рядом со мной голос Алены.

Не дожидаясь ответа, она прикасается пальчиками к моей спине, чуть поглаживает, но не так, как делала раньше. Теперь это дружеский жест, дружеское прикосновение. Просто чтобы проверить: в норме я или нет.

– Не холодно, – отрезаю я, глядя, как сумерки сжирает беспощадная ночь.

Алена одергивает от моей спины руку, но не оставляет меня в покое, и то ли не понимая, то ли не желая понимать, что я не очень хочу ее видеть, становится четко напротив меня. Загораживая осколки уже холодного солнца, заставляя взглянуть на себя вместо неба, которое никуда не денется.

Небо – нет. В отличие от нее.

– Артем, – зовет она едва слышно и с каким-то надрывом.

Этих оттенков не было в ее голосе раньше. Даже когда она говорила, что встречи с подругами только для девочек, а потом оказалось, что все девочки приходили по парам, кроме нее. Даже когда позже она призналась, что влюбилась в другого и хочет, чтобы я ее отпустил.

Она всегда была уравновешенной, спокойной и хладнокровной. Меня это более чем устраивало – ни претензий, ни женских капризов, ни пустых разговоров, на которые у меня не было времени, ни эмоциональных качелей, на которых укачивает. Многим мы казались почти идеальной парой. И никто не мог предположить, а тем более я, что однажды она захочет уйти от меня. И не к кому-то, а к моему лучшему другу.

Сука-жизнь.

Поначалу я думал, что у них не любовь. Просто я изменился. А мой лучший друг – нет.

А потом я понял, что, скорее всего, на самом деле нелюбовь была у меня и Алены. Потому что даже раньше она никогда не смотрела на меня так, как на Глеба. А любые мысли о том, что у нас может появиться ребенок и я буду не против, более того, хотел бы, чтобы так и случилось, отвергались жесткими аргументами: нет, слишком рано, она хочет сделать карьеру, а не сидеть с малышом, а тем более с двумя, как хочу я. Позже... когда-нибудь позже, когда мы оба будем готовы...

Для нас это «позже» так и не наступило.

А за год многое изменилось.

Я простил лучшего друга, потому что когда женщина от тебя уходит, причину нужно искать в себе. А я эту причину видел слишком явственно, чтобы не понимать. Отпустил Алену не только на словах, но и мысленно. Не раз пытался начать новую жизнь, обламывался и делал очередную попытку. Решился на еще одно совместное проживание с женщиной, которую спустя три месяца застал в своем доме с любовником, который, возможно, был там не впервые.

Глеб стал ответственной, его перестал интересовать перепах на одну ночь. Деньги уже не текли рекой на пустышки-подарки для незнакомок. Он впустил на свою холостяцкую территорию не только собаку, но и женщину. А эта женщина...

Алена похорошела, стала мягче, еще более женственной, немного поправилась – со мной она как будто боялась нормально есть и питалась травой с овощами. В ее карьере не наметилось никаких изменений к лучшему, более того, она сама говорила, что хозяин компании не раз собирался уволить всех поголовно, чуть срезал зарплату, а на должность, которую она метила, взяли другого.

Но сегодня я узнаю, что, несмотря на все эти факты, Алена беременна.

Новость, которая и вытолкнула меня на улицу в разгар застолья с друзьями.

Нет, любви или как там правильно называлось то, что у нас было с Аленой – уже больше нет. Просто меня словно ударило по голове осознанием, что если бы, блядь, все сложилось иначе, этот ребенок мог быть моим.

– Артем, – Алена поглаживает мои ладони дрожащими пальцами и смотрит в лицо, а не на переносицу, на лоб или в сторону. – У тебя тоже будет все хорошо... обязательно...

Я усмехаюсь, не могу удержаться, даже зная, что это выглядит зловеще и неприятно. Дурная привычка, от которой сложно избавиться.

– Да, – соглашаюсь спокойно, но заметив, как сильно она расстроена, обнимаю ее за плечи и поясняю. – Я не злюсь, Ален. Все прошло. И я рад, действительно рад, что ты счастлива. За Глеба я тоже рад.

– Правда? – светлеет она.

Я киваю, растираю ее плечи, чувствуя, что ей холодно в одном свитере. Дурочка – выскочила за мной, не оделась, как следует, а думать-то надо уже о двоих.

– Ты тоже будешь счастливым, – лепечет она несусветицу, прячет глаза на секунду и вновь смотрит открыто и прямо. – И сделаешь счастливой ту, которая

увидит тебя настоящим.

- Хороший план, - соглашаюсь я. - А пока пойдем внутрь, ты замерзла.

Она кивает, семенит на высоких каблуках рядом со мной, не желая лишаться тепла руки, которой я ее обнимаю за плечи, а у двери останавливается и виновато бормочет:

- Артем... он... если ты правда не злишься...

Я выжидающе смотрю на нее, и чтобы она решилась договорить и перестала торчать на холоде, еще раз киваю.

- Глеб предложит тебе стать свидетелем! - выпаливает Алена.

Я толкаю дверь бара, пропускаю вперед Алену, и, глотнув уходящие сумерки, захожу следом за ней.

Официантка, которая несет кому-то заказ, заметив меня, непроизвольно сморщивает смазливое личико. Набрасываю капюшон, опускаю чуть голову и, кривя губы, которые немного саднят, прохожу мимо.

Позже, когда она подходит к столику, окидывает взглядом нашу компанию и принимает приличный заказ, расчетливо прикидывает, кто в паре, а кто свободен. Бросает в мою сторону заинтересованный взгляд, примеряясь: а, может, смогла бы...

Я выдавливаю улыбку, и официантка поспешно уносится прочь.

Закономерно.

Проще догадаться, сколько денег у нас на банковских карточках, чем увидеть меня настоящим.

Уверена ли я, что мне спонсор не нужен? Простой. Очень сложный вопрос.

Мне не нужны чьи-то деньги – так, просто и ни за что; я не хочу себя продавать, тем более не представляю, что могла бы родить исключительно потому, что у партнера есть средства, чтобы со мной расплатиться.

Но я бы не отказалась от поддержки, участия. Я бы очень хотела не болтаться в зыбкой безвестности, а знать, что дома меня ждут любимые люди, те, кому я дорога, те, кто обо мне беспокоится.

Семья – это крепость.

Я была уверена, что все это у нас будет с Костей, он не просто давал повод так думать, он сам не единожды заговаривал на тему нашего совместного будущего. Его не смущало ни то, что я не местная, ни то, что живу в коммуналке. Вернее, мне казалось, что его это ничуть не смущает и не заботит, а по факту...

Если мама Ольги права, по факту в это время он искал себе более подходящую партию.

И да, признаюсь, я пыталась прикинуть эту ситуацию на себя. Наверное, поэтому подсознание и выплеснуло все это в чат. Мелькали у меня мысли, как было бы хорошо встретить человека, который помог бы мне выскользнуть из этой трясины обыденности. А потом случайно увидеть Костю. И чтобы он увидел меня и понял, что я могу быть другой, и пожалел, что меня потерял.

Но это разочарование, обида и не всерьез. Потому что мне очень хотелось, чтобы мужчина, который будет со мной, любил меня. Любил так, чтобы я опять поверила в то, что меня можно любить.

Нет, чисто спонсорская поддержка не для меня...

Жаль, что я не ответила Артему сразу на сообщение, а теперь ни к чему. Скорее всего, он уже общается с кем-то другим, кто более быстро печатает и не прячется от себя, отключив телефон...

И к лучшему.

Наверное, к лучшему.

На следующий день я кручусь с заказами, невероятно устаю от телефонных разговоров, встреч с соискателями и задумчивых взглядов Дмитрия Викторовича в тот момент, когда из кабинета выходит Татьяна Борисовна.

У нас маленький офис, и мы все трое сидим в одном кабинете, на десятом этаже бизнес-центра. Полгода, что я здесь работаю, меня все устраивало, и только сейчас хочется чуть больше пространства, какую-то свою, закрытую территорию, чтобы мои беседы с кандидатами не подвергались постоянной прослушке, и чтобы не было этих странных взглядов, которые ускользают, стоит мне повернуть голову.

Кажется, на нервах мне удастся закрыть еще один сложный заказ, но результат удовольствия не приносит.

Весь день я и в работе, и далеко от нее. Буквально заставляю себя включаться, потому что что-то выбивает меня из четких первостепенных задач. И только когда вайбер пикирует сообщением, и я вижу имя Артема, понимаю, что это было затаенное ожидание. Несмотря на все уверения, что если он больше не проявится, это к лучшему, я хотела, чтобы он опять написал.

И мне ужасно интересно, с чего он начнет на этот раз, чтобы снова меня зацепить, но я не открываю сообщение. Не хочу читать при всех то, что предназначается только мне. Да и работы все еще много. Все, что я позволяю себе – посмотреть на окна, и улыбнуться: сумерки, его и мое любимое время.

– Ну вот что, ребята, – резко открыв дверь в кабинет и заставив вздрогнуть Дмитрия Викторовича, сообщает нам с порога Татьяна Борисовна. – Я решила: раз у нас теперь есть деньги на аренду офиса, лучше переехать куда-нибудь в центр города. Все-таки это престиж компании.

Дмитрий Викторович угодливо поддакивает, но, наверное, если хочешь быть рядом с такой властной женщиной, иначе нельзя. Они оба тут же срываются посмотреть варианты, я оставляю их решение без комментариев. Понятно, что меня просто поставили в известность. И если руководство считает, что сможет

потянуть аренду в центре города, кто я, что бы их отговаривать? Правда, по моим подсчетам нам едва хватит на аренду этого офиса и мою зарплату. Но ведь говорила же начальница, что у нее есть свои сбережения.

– До завтра, – небрежно бросается мне Татьяна Борисовна и выходит из кабинета с таким решительным видом, что я не сомневаюсь: переезд грядет в ближайшие дни.

И только Дмитрий Викторович задерживается, что-то ищет на своем практически пустом столе, где стоит один ноутбук, у двери бросает на меня долгий взгляд, но уходит, так и не решившись что-либо сказать.

Мне даже без разницы, что он забыл попрощаться.

Едва офис пустеет, беру в руки телефон, открываю окно, впуская в комнату сумерки вместе с весенним, еще немного прохладным ветром, который несет в себе сладкую горечь зеленой травы и набухающих на деревьях почек, и открываю сообщение от Артема.

«Привет, – пишет он, – расскажешь, о чем думаешь на самом деле?»

На самом...

Я понимаю, что это новая попытка оживить разговор, который я не смогла продолжить вчера.

Но я снова не могу ему ничего ответить.

Потому что не могу рассказать, что на самом деле, даже не отдавая себе в этом отчета, думаю не о чем-то, а о ком-то. О нем.

«Хорошо, начну я, – пишет он, видя, что я не собираюсь ничего отвечать. – Кроме сумерек, я люблю своих близких, детей, скорость, машины, одеколон с древесными нотками, удобную одежду, растоптанные кроссовки, которые не подведут. А думаю о тебе».

Я молчу, и спустя всего мгновение, он добавляет:

«Целый день. Хотя это до чертиков отвлекает меня от работы. И подчиненные начинают коситься».

Я улыбаюсь.

Качаю головой, не веря тому, как все совпадает. Не понимая, почему эти строки незнакомого человека заставляют румяниться щеки. И не зная, зачем все же пишу ему:

«Я люблю своих родных, друзей, белые розы, толстых котов, высокие каблуки и красивые мужские голоса».

Закусываю губу, сообразив, что последнее можно было и не писать, потому что я не хочу полчаса объяснять, что такое «красивые голоса», да и вообще это признание какое-то нелепое, не представляю, из каких глубин оно вырвалось.

Но поздно.

Мое сообщение отмечается как «прочитано».

И практически мгновенно приходит ответ от Артема:

«Про розы запомню, про котов уточню (надеюсь, это действительно относится только к котам, а то я медленно набираю вес). А что касается голоса... Хочешь услышать мой?»

Я отхожу от окна, убираю в сторону телефон, несколько часов обзваниваю кандидатов на должность, которая никому не нужна за такие деньги. А потом откидываюсь на спинку кресла, рассматриваю списки приглашенных на собеседование и понимаю, что, скорее всего, все, кого я сейчас пригласила, завтра придут лишь для того, чтобы отказаться.

И все эти два часа я специально занимала себя хоть чем-то, чтобы не отвечать, увильнуть, чтобы спрятаться, потому что так проще.

Беру телефон и долго рассматриваю силуэт в капюшоне. Интересно ли мне услышать его голос? Хочу ли я этого или лучше...

И прежде, чем остановить себя, я пишу короткое:

«Да».

«Сейчас ты свободна?» – спрашивает Артем.

И, наверное, меня подкупает, что с его стороны нет глупых обид и расспросов, почему так долго молчала, почему пропала вчера. А еще это, конечно, весна, которая как-то особенно заставляет ощутить степень своего одиночества.

«Да», – пишу лаконичный ответ второй раз.

А спустя всего пару секунд на мой телефон поступает звонок.

Глава № 7. Даша

Я в нерешительности смотрю на свой телефон.

Не знаю, почему так сильно волнуюсь. Да, это всего лишь разговор, и я в любую секунду смогу его прекратить, но...

Телефон продолжает звонить, а я все еще сомневаюсь, отвечать ли на вызов. А в какой-то момент чувствую, что если не отвечу сейчас, он больше не позвонит, и, выдохнув, нажимаю на зеленую клавишу.

– Привет, – первым я различаю даже не голос, не слова, которые слышу, а улыбку мужчины.

– Привет, – выдавливаю чуть хрипло.

И замолкаю, не представляя, что сказать ему дальше.

- Устала? – это скорее не вопрос, утверждение.

Я киваю, как будто он может меня увидеть.

Нервничая, опять подхожу к окну и вбираю в себя спокойствие вечера, рассматриваю окна, в которых все больше появляется огоньков. Потому что там кто-то кого-то ждет. Там кто-то кому-то нужен.

- Немного, – признаюсь нехотя.

И уже начинаю подумывать прекратить разговор, который ни к чему не ведет, просто потому, что мы два чужих человека, которые друг друга ни разу не видели, и вряд ли увидим.

- Знаешь, у меня дома живет старый кот... – начинает Артем за секунду до того, как я собираюсь нажать на отбой.

И я продолжаю слушать его.

Не потому, что меня интересует судьба кота, который ест много, но толстеть не желает, а потому, что мне нравится и улыбка, которую чувствую даже на расстоянии, и спокойный, чуть уставший голос Артема.

В нем нет хрипотцы, которая задевает нервные окончания, нет резкости, которую я терпеть не могу, нет властности, по которой с ума книжные героини. В нем есть уверенность и тепло, которое располагает настолько, что исчезает неловкость. Заставляет перестать думать о том, что это посторонний для меня человек, просто кто-то случайный, кому, как и мне не спалось.

И я улыбаюсь, слушая историю про кота, который себя старым не признает, более того, чувствуя свое превосходство над толстыми кастрированными собратьями, активно пользуется своим положением. Немного сочувствую пушистику, когда узнаю, сколько раз ему за это влетало от хозяек любимых кошечек. И не могу удержаться от смеха, когда Артем рассказывает, с каким трудом ему приходится пристраивать по знакомым худых котят, которых ему частенько подбрасывают на порог, чтобы наконец урезонил мохнатого папашу.

Как-то так, ненавязчиво, Артем делает вставки и про себя, и я узнаю, что свою работу он любит, что он не женат, поэтому пока работа занимает большую часть его времени, и что ему тридцать один.

«На год младше Кости», – отмечаю я машинально.

И, злясь на себя, немедленно выбрасываю из головы эти мысли.

Это оказывается не так сложно, как раньше, потому что голос Артема втягивает меня, или притягивает к себе – не знаю, как передать, чтобы было точнее.

Может быть, дело в том, что их голоса с Костей сильно разнятся. Может быть, дело в том, что нет анкетирования, которого я опасалась, глупых вопросов и напоминания о моем сообщении в чате.

Артем просто рассказывает – о своем домашнем питомце, ненавязчиво – о себе, и как-то совсем незаметно, я понимаю это только постфактум, он так же что-то узнает обо мне.

Понятия не имею, когда успела рассказать ему о своем возрасте и кем я работаю. Наверное, это было в момент, когда он спросил: дома я уже или нет. Но едва у меня мелькает мысль: «а не слишком ли я раскрываюсь незнакомому человеку», как Артем отгоняет ее.

Я слушаю его голос. И настолько в него погружаюсь, что мне кажется, будто я начинаю видеть его хозяина. Нет, не лицо. А то, что его сейчас окружает.

Распахнутое окно, за которым раскинулся яблочный сад. Широкий подоконник, у которого он стоит в данный момент. Полка с книгами, которые он читает в свободное время. И пятнистый кот, сидящий у ног с такой противной и недовольной мордочкой, что его никто не хотел брать к себе в дом, когда он еще был просто некрасивым котенком, а не угрозой добропорядочности соседских кошек.

– А почему же ты его взял? – интересуюсь, не выдержав.

– Его хотели выбросить, – отвечает Артем без раздумий, и добавляет спустя пару секунд моего молчания. – А мне тогда казалось, что некрасивые имеют право на такую же хорошую жизнь, как другие.

– Тогда? – уточняю я то, что меня зацепило.

– Я же говорю: старый кот, – напоминает мужчина, – я был гораздо моложе.

И на этот раз я отчетливо различаю в его голосе не улыбку, а едкую насмешку, которая вряд ли относится к его пушистому другу. Скорее, это ирония над собой, над своими представлениями, которые спустя годы кажутся наивными, и, возможно, не раз ломались или гнулись под гнетом реальности.

Мне как-то хочется поддержать его, вернуть веру в светлое. А еще мне снова хочется услышать не усмешку, в которой невольно сквозит некая горечь, а улыбку, которая мне понравилась.

– Внешность не главное, – говорю я ему, и невольно кривлюсь от этой банальности.

Только собираюсь перекинуть разговор на другую тему, как слышу вопрос:

– Ты правда так думаешь?

И на этот раз в голосе Артема нет ни насмешки, ни улыбки, ни каких-либо иных оттенков эмоций. Голос какой-то бесцветный. Он словно отгородился, чтобы не дать мне подсказки.

Глава № 8. Даша

Мне кажется, это самый простой вопрос из всех, что звучали. Про работу и возраст – это из личного, некий доступ на свою территорию. А произнести вслух то, что давно знают и все – легко.

И потом, для каждого своя красота.

Я, к примеру, считаю Ольгу довольно красивой, и не раз говорила ей, что будь я мужчиной, утащила бы ее в загс даже силой. Пышные, чуть кудрявые черные волосы, огромные карие глаза, хозяйка, и, что интересно, ей заниматься домашним делами одно удовольствие, а еще это верный, надежный, проверенный друг. Но когда-то я познакомила Ольгу с другими своими друзьями, с прежней работы, и те, увидев ее, весьма удивились.

- Ты же говорила: она красивая, - послышалось со всех сторон изумление, когда Ольга ушла.

- Ну да, - ответила я, не понимая, к чему они. - Разве нет?

И когда они ответили, у меня возникло ощущение, что они увидели не Ольгу, а кого-то другого, человека, которого я не знаю и сама не видела никогда. И рост маленький, и вес ей надо бы сбросить, и сутулится, и нос какой-то огромный.

- Страшок, - припечатал в конце парень, с которым я хотела познакомить подругу.

- Идиот, - расстроилась я за подругу. - Ольга красивая, просто у нее южные корни.

С этим парнем у Ольги, ясное дело, ничего не срослось, но я до сих пор считаю, что он упустил свой шанс. И до сих пор считаю подругу красивой...

Нет, я не рассказываю об этом Артему: друзья - это тоже личное. Я просто даю уверенный и короткий ответ на вопрос, который повис между нами:

- Да.

И отчетливо слышу, как он медленно выдыхает. Негромко, едва уловимо, как бриз.

- Ты у моря? - озвучиваю мелькнувшие ассоциации.

– Нет, – его голос опять «улыбается», – хотя живу от него в двадцати минутах ходьбы.

– Это какой район города?

– Это за городом.

Он называет поселок.

И на этот раз медленно выдыхаю я. Прикрыв телефон ладонью, чтобы он не услышал, не почувствовал моего невольного разочарования.

Не то, чтобы я на что-то надеялась и чего-то хотела. Мы практически незнакомы, обмен именами – не в счет.

Просто... вряд ли мы даже увидимся.

Я живу в старой части города, а он далеко и от новой. Если мы договоримся встретиться посередине той территории, которая нас разделяет, каждому из нас добираться как минимум два часа.

Два часа в одну сторону.

Два часа в другую.

То есть, четыре часа просто вычеркнуть.

При современном ритме большого города, думать, что мы захотим увидеть друг друга – все равно, что стоять на двух берегах широкой реки и пытаться найти призрачный мост.

– Извини, мне пора собираться домой, – начинаю неловко, и чтобы он понял то же, что я, поясняю: – старый город, пока доберусь...

– Да, конечно, – он легко отпускает меня, а потом, наверное, чтобы у нас двоих остались хоть и короткие, но приятные воспоминания, добавляет с улыбкой: – У

тебя очень красивый голос, Даша.

- Спасибо, - благодарю скомкано и чуть резко и нажимаю отбой.

Вместо того чтобы собираться домой, я достаю из сумочки сигарету, зажигалку и выпускаю облачко дыма на чернеющий город в огнях. Мне кажется, это хоть как-то поможет избавиться от разочарования или хотя бы его приглушит.

В ход идет вторая сигарета, но и она ничего не меняет - лишь добавляет легкой горечи. Или это все весна и цветущие травы.

Жаль, что все так.

Нет, правильно и логично, но жаль...

Вспоминаю, как отстраненно звучал мой голос, когда мы с Артемом прощались, и усмехаюсь. Может, Костя и правильно сделал, что ушел без этого холода в спину.

Холодно.

От своих же слов холодно.

Мне хотелось сказать Артему, что мне тоже понравился его голос. А еще его улыбка, которой было пропитано практически каждое его слово. И мне нравилось то, что он писал без ошибок - такая редкость в поколение клипового мышления и социальных сетей.

Нравилось...

Уверена, теперь можно говорить об этом в прошедшем времени, потому что вряд ли он еще позвонит.

Он правильно меня понял.

Бросив последний взгляд на чужие окна, в которых плещется свет, я наконец собираюсь домой. Туда, где моей заслуженной компанией будут соседи, которые с трудом переносят даже себя, черные окна и притихший смартфон.

Но когда подхожу к дому, с удивлением замечаю в окнах комнаты свет. Яркий, слишком яркий, и не от бра, которое обычно включаю я.

Борюсь с дурными предчувствиями, но они давят на плечи так, что я с трудом заставляю себя подниматься на третий этаж. Ковыряюсь в замке, как будто ключи не родные, подхожу к комнате, и слышу громкую музыку, которая пронизывает старыми мелодиями советской эстрады весь коридор.

- Не повезло тебе, Даша, - проходя мимо, замечает сосед.

И тут же, словно сболтнул лишнего и теперь боится понести за это какое-то наказание, исчезает за своей дверью.

А я открываю дверь комнаты, которая оказывается незапертой. И вижу седовласую женщину - закинув ногу на ногу, она сидит на моем диване и делает звук телевизора громче.

- О, Даша, - заметив меня, она оборачивается, слегка приглушает звук, но он все равно противно бьет по ушам, настолько, что я даже глохну.

А, может, быть дело в другом.

Просто я замечаю, что она в домашнем халате и тапочках, и понимаю, что это не светский визит. И еще до того, как она озвучивает причину прихода, догадываюсь, что именно она скажет.

- Слушай, Даш, - говорит она, - я же из комнаты уходила, потому что сходилась с одним старичком. А сегодня я его бросила - надоел, жадный, у него пенсия большая, но он тратит ее на внуков. Ну я и подумала - к чему его дальше терпеть? Вот, вернулась. Я-то не бездомная!

Да, она не бездомная.

А вот я теперь, кажется – да.

Глава № 9. Артем

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что от меня захотели отделаться.

Неприятное чувство, к которому сложно привыкнуть. Нет, я не строил на счет Даши какие-то планы. Смешно – после первого разговора. Мне просто понравилось, что ответила именно девушка, а не какой-нибудь старый хрыч, которому нечего делать.

Потом понравился ее голос. Не постановочный, как учат говорить менеджеров по продажам, с придыханием и напускными нотами радости, как будто с неба спустился мессия.

У нее голос оказался естественный, настоящий и в нем так явственно сквозили волнение и усталость, что было трудно их не заметить.

Захотелось как-то отвлечь ее, заставить ее улыбнуться. Если бы мой кот услышал, что я о нем говорю, он бы долго фыркал и недоуменно шевелил седыми усами. Барсу можно только завидовать – удивительная самоуверенность в собственной неотразимости, невзирая на мнение окружающих.

Но у меня получилось – голос Даши стал мягче, из него исчезла колючая настороженность. Я уверен: мой вопрос про внешность не вызывал у нее никаких подозрений. Она думала, что мы все еще обсуждаем кота.

Понятия не имею, что ее от меня оттолкнуло, но очевидно, что звонить больше нет смысла.

Всегда воспринимал планерки как неизбежность, предпочитая оставаться в тени, но на этот раз принимаю живое участие. Несколько раз ловлю на себе задумчивые взгляды отца, но он выслушивает все доклады, раздает советы и указания и только после всех распускает.

Когда мы остаемся в его кабинете одни, он ослабляет галстук, достает из бара бутылку коньяка и оборачивается ко мне:

– Выпьешь?

– Я за рулем.

– А меня подвезут, – усмехается он. – Такое вот небольшое преимущество у большого начальника.

Налив коньяк в один бокал, он возвращается в свое кресло, делает крупный глоток и снова окидывает меня внимательным взглядом.

– Не соблазнил, – делает правильный вывод.

На самом деле, мы оба знаем, что я могу позволить себе безболезненно для бюджета нанять личного водителя, но слишком люблю сидеть за рулем, чтобы кому-нибудь уступать.

Мне нравится скорость, дорога и чувство, что я держу свою жизнь в руках. Несмотря на то, что по сути она упрямо катится под откос.

– Хотел поговорить с тобой о двух важных вещах, – начинает отец. – В субботу приезжает мама, поэтому в воскресенье мы ждем тебя и Катерину на ужин. Можешь захватить с собой эту... как ее...

Он машет бокалом, предлагая ему помочь.

– Можешь не вспоминать, – упрощаю задачу.

Причину называть не приходится.

– Вот как, – отец заметно приободряется. – Хорошо. Ладно. Теперь второе. Как ты знаешь, через месяц открывается новая международная выставка «BuildPlaza». Наша строительная компания там тоже участвует.

Пока я пытаюсь понять, к чему отец скармливает мне старые новости, он продолжает:

– Я хочу, чтобы ты был среди представителей нашей компании. Точнее, хочу, чтобы ты возглавил представительство нашей компании.

Судя по твердому взгляду отца, он готовится к тому, чтобы настоять на своем, но у меня нет причины отказывать. Обычно на таких выставках мало появляется незнакомых лиц, руководителю не обязательно там сидеть целый день, а у меня все равно теперь все выходные некуда деть, если не считать мастерскую. Но это так, для души. Там и без меня прекрасно справляются.

– Отлично, – отец заметно приободряется. – Просто отлично. Значит, договорились. Не забудь порадовать Катерину новостью о семейном ужине.

Сомневаюсь, что сестренку это обрадует – в отличие от меня, у нее составлено расписание на две недели вперед. И наверняка на это воскресенье тоже были какие-нибудь свои, девчачьи, планы, ведь мама не посчитала нужным сообщить о своем приезде кому-нибудь еще, кроме отца.

К тому же, Катерина опасается, что мама снова заведет разговоры о том, что престижней учиться в Англии, а не здесь. Однажды сестра поддалась уговорам, но через полгода сбежала обратно.

Учится теперь на первом курсе юридического, вопреки планам отца на нее, мечтает со временем открыть собственную компанию, и, кажется, ни о чем не жалеет. Но то, как хорошо умеют убеждать наши родители, особенно, если работают в паре, запомнила хорошо, поэтому и предпочла жить со мной.

Меня это тоже устраивает. Не знаю, ехал бы я с такой скоростью или нет, если бы знал, что вернусь в пустой дом.

Первым встречает кот. Окидывает меня недовольным взглядом – мол, так поздно, еще и без корма?! Фыркая, скорее терпит, чем получает удовольствие, когда я поглаживаю его. Но с порога уходит, позволяя войти, наконец. Ритуал, к которому привыкли мы оба.

Я пришел. Он дождался.

Прислушиваюсь – тихо, но свет в комнате Катерины горит. Или учится, или слушает музыку. Когда прохожу мимо ее двери, понимаю, что, скорее всего, второй вариант, иначе уже бы выскочила.

Вкусно пахнет чем-то мясным, поэтому я спешу принять душ и переодеться. Скинув пиджак и выложив телефон, отлучаюсь максимум на десять минут, а когда возвращаюсь в комнату, понимаю, что кому-то любопытному и особо чувствительному этого времени хватит не только на то, чтобы придумать трагедию, но даже немного поплакать.

– И... – тихонечко спрашивает Катерина, сжимая в ладони мой телефон. – Ты ей позвонил?

А в серых глазах такая печаль, что и ругать за то, что прочла переписку, язык отнимается.

– Просто тебе позвонили, а я как раз зашла в комнату, – поспешно оправдывается она. – Ну вот и...

Она отдает телефон, когда я к ней приближаюсь, но еще до того, как я просматриваю список пропущенных звонков, с грустью мне сообщает:

– Звонила не Даша.

Вижу. И, несмотря на то, что этого номера нет в списке моих контактов, легко определяю, что это Лина. Дала мне время, чтобы остыл и одумался и надеется, что я примчусь по первому зову.

– А... – Катерина забавно трет пальцем свой нос, и опять поддается своему любопытству. – А я за все варианты общения, да. И я верю, что по интернету тоже можно познакомиться с кем-то хорошим. Ну а что?

Она немного тушует под моим скептическим взглядом и принимается доказывать, что это вот просто лучший способ знакомства из всех. Сейчас все в интернете. Можно вот так вот случайно встретить своего человека, а потом

прожить с ним всю жизнь.

- Это не тот вариант, - сбиваю слегка ее пыл.

Иду на кухню, терзаемый голодом, а заодно и сестрой, которая увязывается следом за мной. Не только ради того, чтобы помочь насыпать в тарелку картошку с мясом, а чтобы замучить меня расспросами.

И только чтобы прекратить пустой разговор и спокойно поесть, я кратко ввожу ее в курс дела. Да, я звонил Даше. Поговорили. Потом что-то пошло не так. Что - понятия не имею, да и какая разница.

- И... - Катерина смотрит на меня с изумлением. - Ты что, правда не собираешься ей больше звонить?

- Зачем?

- Ну... - сестра принимается накручивать на палец длинный каштановый локон, чему-то смущенно улыбается и просвещает меня. - Мы, девочки, любим, когда нас добиваются. А еще мы очень любим, когда нам дают второй шанс.

Откладывая в сторону вилку, смотрю с подозрением на сестру и пытаюсь понять: она все еще говорит о Даше или уже о себе. Девятнадцать лет, высокая, стройная, симпатичная, наверняка, ухажеры имеются.

- Мне кажется, ромашка, у которой один лепесток оторван, а над следующим застыла рука, может указывать на ранимость. На то, что, возможно, что-то случилось, и теперь человек в растерянности, грусти или печали, - воодушевленно продолжает сестренка, на секунду выбивая меня из сути нашего разговора.

Но все становится на свои места, когда в памяти всплывает аватарка Даши из вайбера. Обычная белая ромашка. Даже не роза, хотя она их и любит. Мне кажется, ее аватарка - простое нежелание, чтобы кто-нибудь рассматривал ее фото и хоть что-нибудь о ней знал.

– Конечно, никому не хочется, чтобы ему оторвали еще один лепесток! – развивает свою теорию Катерина. – К тому же, кто-то чужой, незнакомый. А вот когда она узнает тебя получше...

Она мечтательно вздыхает, оставляет в покое чай, который даже не пригубила, склоняется надо мной, обнимает и, целуя в щеку, шепчет:

– Позвони ромашке, Артем. А вдруг ты убережешь ее лепесток? А вдруг она того стоит?

Глава № 10. Даша

На меня накатывает такая слабость, что я не могу сделать и шага – так и стою на пороге. Стою и слушаю бред, который несет Татьяна Гавриловна. Что-то насчет нашего совместного проживания, и что нам обоим будет удобно...

Хочется закрыться в пустой комнате, выключить свет и просто расплакаться.

Я как безвольная кукла, которой пообещали, но забыли купить ее собственный кукольный домик. И теперь все, что остается игрушке – пылиться на полках, диване, полу – в общем, там, где придется.

Пока я пытаюсь вынырнуть из кошмара, который меня окружает, хозяйка разводит бурную деятельность. Заставляет соседа вернуть односпальную кровать, оставленную ему на хранение, занимается перестановкой мебели и продолжает так, мимоходом, убеждать меня, что все это к лучшему.

Я не верю.

Ни в это. Ни в то, что все это происходит на самом деле, со мной.

Внезапный уход Кости к другой, тягостная атмосфера на работе, странное поведение руководства, грядущий переезд в новый офис, единственный и последний разговор с женщиной, которого я никогда не увижу, и вдобавок ко всему – Татьяна Гавриловна на соседней кровати.

– Так, вижу, ты сильно устала, – причитает она, любовно поправляя простынь и взбивая подушку. – Сейчас, Даш, будем ложиться.

У меня нет сил даже кивнуть или выдавить улыбку благодарности за то, что меня не выставили ночью на улицу. Я знаю, бывает и так. Хозяин квартиры все равно всегда прав, тем более что договор аренды мы, естественно, не заключали.

Мне предлагают остаться. С меня будут брать денег в два раза меньше. Но возможная экономия не радует, не заставляет расслабиться – наоборот, словно скручивает тяжелыми веревками, из которых невозможно освободиться.

Из распахнутого шкафа на меня с готовностью взирает моей чемодан на колесиках. Проще простого подхватить его, высказать Татьяне Гавриловне все, что я думаю по поводу ее визита и предложения, и умчаться домой.

День удовольствия и свободы мне обеспечен.

А дальше?

Смотреть на свое отражение и понимать, что я не просто неудачница, а слабачка. Забыть про пять лет института, красный диплом и пытаться устроиться в своем городке хоть куда-нибудь, скорее всего, сесть в продуктовый за кассу. Приезжать в этот город раз в год, на неделю. Постепенно отдалиться от друзей и знакомых, с которыми меня свела жизнь за последние десять лет...

Все пройдет, отболит, выветрится из памяти.

Да, так проще.

Если я так и сделаю, мне уже сейчас будет легче, а все остальное нахлынет постепенно, потом, когда я не буду одна.

Но, может быть... ведь может такое быть, что это последнее испытание? Хотя бы последнее в этом году. Иначе я точно не выдержу.

И я убеждаю себя не горячиться, раз десять прокручиваю мысленно фразу, что утро вечера мудренее, переодеваюсь и практически безжизненным камнем падаю на диван.

Камнем... потому что только камень может лежать неподвижно и притворяться глухим, когда над головой горит слишком яркая люстра, когда телевизор готов захлебнуться от собственной громкости и когда настолько устал и измотан, что как будто выталкиваешь себя в иную реальность.

Туда, где в комнате, до мелочей похожих на эту, все еще звучат признания в чувствах. Туда, где смеются двое, а не один. Туда, где закрывать глаза не страшно, потому что утро будет светлым, из поцелуев. Туда, где меня уже нет...

Выныриваю обратно в свое незавидное настоящее лишь когда гаснет свет, выключается телевизор и комнату наполняют звуки уже не советской эстрады, а храпа. И наконец позволяю себе то, чего так хотелось весь вечер – позволяю глазам увлажниться.

И все. Слез нет, просто нет.

Или сил на них нет, потому что мне плохо, невыносимо, хочется хоть какой-то отдушины, хоть какого-то просвета, пусть небольшого и призрачного, даже похожего на мираж.

Признаюсь себе, теперь уже можно – я бы очень хотела вновь услышать голос Артема. Он какой-то... теплый, спокойный, какой-то словно знакомый...

Но я сама его практически оттолкнула: прощание вышло быстрым, холодным, без намека на продолжение и интерес к этому продолжению с моей стороны. Нет, все правильно – во-первых, мы далеко друг от друга, а во-вторых...

Пытаюсь придумать еще хотя бы одну причину, но не могу. Да и первая кажется притянутой за уши.

Все, хватит!

Теперь уже все.

Нужно просто не думать о нем – нет его, да и все. Не думать так часто о Косте уже получается, а здесь мы даже еще не знакомы, так что...

Внезапный писк вайбера обрывает храп Татьяны Гавриловны, и я поспешно прячу телефон под подушку.

А через пару секунд, когда понимаю, что хозяйка спокойно спит дальше, убираю на телефоне звук и смотрю на входящее сообщение.

Всего три слова, которые заставляют меня улыбнуться, выдохнуть и понять простую истину – жизнь продолжается, просто она подхватывает меня на свои крылья с другой стороны. Не под руки, как я привыкла. А сзади, незаметно, нагадано и вовремя как никогда.

«Спокойной ночи, Даша», – читаю сообщение от Артема.

И с улыбкой смотрю на фото страшного пятнистого кота, который явно не собирался позировать, но так уж и быть, если надо... то вот так – прищурился глазом по-пиратски.

«Хорошего сна, – пишу я, – вам обоим».

«За кота не ручаюсь – он целый день спал. А вот за себя... Готовься Даша. Если я увижу во сне тебя, буду считать, что сбылось и просить пожелать то же самое завтра».

Хм, это он так намекает, что напишет и завтра?..

«А если не сбудется?» – не могу перестать улыбаться.

«Буду надеяться, что смогу скоро увидеть тебя в реальности», – отвечает Артем.

Интересно, думаю я, засыпая после этого разговора. Вроде бы и намекнул на скорую встречу, и в то же время, усомнился, что она вообще состоится.

Самое странное приглашение на свидание, если честно.

Хотя, признаю, все же не более странное, чем мой последний способ знакомства.

Глава № 11. Даша

Едва проснувшись, я выхожу в вайбер, чтобы взглянуть – нет ли каких-нибудь сообщений. Вернее, ищу – нет ли новых сообщений от Артема.

Пусто.

Пытаюсь отогнать легкое разочарование. Если один раз он пожелал доброй ночи, это не значит, что теперь он будет писать в обязательном порядке.

Мелькает мысль написать ему первой, но...

Перед глазами всплывают слова Кости, когда кто-то из наших общих знакомых девчонок присылал ему забавные смайлики или веселые гифки.

– Неужели так трудно понять, – раздраженно сетовал он, и его красивое лицо искажала неприятная гримаса, – у нормального мужчины нет времени на этот бред! И вообще, это выглядит как навязывание: ты сам давно не звонишь, мне тоже нечего тебе сказать, но я ляпну хоть что-то.

Именно поэтому первым мне в основном звонил он. Именно поэтому у нас с ним нет и не было ни одной переписки.

Теперь я понимаю, что к лучшему, а то бы смотрела на экран, читала сообщения и наверняка пыталась найти хоть какие-то намеки на возможное расставание. И, скорее всего, он прав – это действительно может выглядеть как навязывание.

Вздыхнув, я закидываю телефон в сумочку, избавляя себя от соблазна все-таки что-нибудь написать незнакомцу у пирса. На работу собираюсь быстро, как никогда, может, потому, что в голове стучит марш из храпа хозяйки, которая все еще спит. Она открывает глаза, лишь когда я уже в дверях.

- Ты же надолго? - спрашивает с надеждой, которую трудно не разобрать.

- Да, - мой ответ заставляет ее улыбнуться. - И, скорее всего, после работы заеду к подруге.

- Отлично, - хвалит она. - Молодая девушка не должна сидеть дома.

На самом деле я понимаю, что она хочет остаться дома одна. Я бы тоже хотела, если бы у меня был этот дом.

Кстати, о доме...

Я подхватываю сумочку, уже открываю дверь, когда женщина меня окликает.

- Даш, у меня голова раскалывается, - печально вздыхает она.

И пока я пытаюсь сообразить, зачем она сообщает мне о своем состоянии и есть ли у меня таблетки от головной боли, женщина добавляет с еще одним горестным вздохом:

- Надо что-то делать, Даша. Надо это как-то решать. Ты молодая, симпатичная девушка, но так громко храпишь...

Не уверена, что как-то комментирую эту нелепую новость. У меня просто нет слов. Но и к лучшему, потому что я бы точно открыла правду, кто на самом деле храпел этой ночью и что я думаю по поводу советской эстрады, а новую квартиру я пока не нашла.

Этим я и пытаюсь заняться, едва прихожу на работу, но меня отвлекают - то звонки, то соискатели, которые перепутали время или просто пришли наобум, хотя я и пыталась им объяснить, что они не подходят под свободные должности.

Разговор с последними настолько выматывает, что через пару часов мне начинает казаться - у меня нет и не было в жизни никакой черной полосы. И серой полосы не было тоже. Просто я по ошибке попала в дурдом.

К моменту, когда на пороге все-таки появляется руководство, я уже просто без сил. Наверное, поэтому полностью игнорирую их переглядывание и спокойно встречаю еще одну сногшибательную новость этого дня:

- Мы нашли новый офис. Сами не ожидали, что так повезет - центр города, всего две минуты, и открывается превосходный вид на море, огромный поток туристов, как ты понимаешь...

Про туристов я понимаю. Но какое отношение поток туристов имеет к нашей рекрутинговой компании, понять не могу. Или пока просто не в состоянии. Как и расшифровать, почему Дмитрий Викторович так усиленно прячет глаза и делает вид, что что-то читает на пока еще черном экране своего ноутбука.

- Конечно, тот офис дороже, но он необходим для престижа компании, - терпеливо поясняет Татьяна Борисовна, чего за ней раньше не наблюдалось. - Через неделю мы уже переедем, я дала согласие и со всеми договорилась, нас даже здесь не заставят выплатить неустойку за спонтанный разрыв договора аренды.

Она бросает взгляд на своего любовника, но тот закрыл лицо ноутбуком, как будто его здесь нет. И Татьяна Борисовна по привычке берет удар на себя. Вернее, сама наносит удар.

- Так как аренда там выше, - сообщает она непреклонно, - Даша, я буду вынуждена задержать вашу зарплату на пару недель.

Мои возражения, что мне нужны деньги, потому что надо искать другую квартиру, отменяются легким взмахом руки.

- Может, вам лучше не торопиться с переездом, - говорит жестко Татьяна Борисовна. - Тем более что новый офис практически у вас под боком, даже не нужно будет тратиться на проезд.

- Вы не понимаете, - пытаюсь я объяснить, - вернулась хозяйка комнаты, и...

- И вряд ли вы будете платить за проживание столько, как раньше, - перебивает мое руководство. - Даша, просто поймите, что престиж компании гораздо

важнее. К тому же, я собираюсь вложиться в рекламу, и куда будут приходить люди? Там центр города, море!

Не знаю, почему в ее глазах наличие моря под боком является аргументом, который перевешивает человеческие отношения. В конце концов, там купаться нельзя – там же порт. И люди, которые там прогуливаются – туристы, а не соискатели новой работы. Но спорить с начальницей бесполезно.

Дмитрий Викторович бросает в мою сторону осторожный взгляд, чтобы никто не заметил, но меня мало волнует его сочувствие. Оно не поможет.

Никто не поможет мне, кроме меня.

И я с сожалением понимаю, что с поиском нового жилья придется повременить, потому что первостепенная задача теперь – это найти другую работу.

Присматриваюсь к вакансиям, которые открыты в данный момент, но интересных и подходящих попросту нет. Рассматриваю вакансии в интернете, и тоже ничего путного не нахожу. Ничего, убеждаю себя, не с первого раза. Главное сейчас – не вспылить, потому что пусть и с задержкой на пару недель, но мне должны выплатить хорошую сумму.

Вот получу ее, и можно уже уходить, а пока...

Наверное, на нервах, иных причин для везения просто не вижу, мне удастся найти нескольких кандидатов, один из которых, скорее всего, закроет еще один горящий заказ. Вовремя. Мне деньги нужны.

– Отлично, Даша, – хвалит Татьяна Борисовна, которая, конечно, слышала все мои разговоры и поняла, что к чему. – А теперь, для вдохновения, давайте мы покажем вам новый офис. И ты все сразу поймешь!

Я пытаюсь отнекаться, говорю, что у меня еще много звонков, но начальница убеждает, что мне необходим отдых и хорошее настроение. В последнее я верю слабо, и правильно.

Такси подвозит нас к центральной улице города, а дальше Татьяна Борисовна его отпускает.

– Мне кажется, здесь настолько приятно пройти пешком, – поясняет она, – что грех не воспользоваться этой возможностью.

Я с ужасом смотрю на брусчатку, которой выложена улица. Потом – на свои высокие острые каблуки. Перевожу взгляд на кроссовки Татьяны Борисовны и еще до того, как замечаю торжествующую улыбку женщины, начинаю подозревать, что это не случайная поездка ради моего вдохновения, а тщательно спланированная акция.

– Не отставайте, – бросает она небрежно, подхватывает под руку своего кавалера и удаляется так бойко, что вскоре я перестаю различать их среди потока прохожих.

Солнце беспощадно светит в глаза, каблуки пытаются остаться в расколах брусчатки, так что к новому офису я добираюсь через двадцать минут и лишь для того, чтобы осознать – лучше маршрутки, лучше даже трамвай, чем такое испытание каждый день.

Стены нового офиса не производят на меня впечатления: снаружи обычные, кое-где виднеются надписи, есть какой-то яркий стрит-арт – все как обычно на старых домах. Внутри помещение тоже не удивляет. Как и памятник основателю города, который я смогу лицезреть, если просто свернуть за угол.

Я настолько устала, пока доскакала сюда на своих каблуках, что не чувствую ног, да и видеть уже ничего не хочу. Меня даже не расстраивает, а радует, когда Татьяна Борисовна, посчитав, что достаточно меня вдохновила, вызывает такси и уезжает вместе с Дмитрием Викторовичем.

Я сажусь на ступени у закрытого офиса, приваливаюсь спиной к белым жалюзи, даже не думая: чистые они или нет, и поднимаю взгляд вверх. К небу, которое понятия не имеет, за что мне все это или просто упрямо молчит. К облакам, у которых есть силы куда-то плыть.

И к подступающим сумеркам.

Которые прячут солнце, но больше сегодня не приносят мне ничего, кроме тени.

Артем не звонит.

Глава № 12. Артем

В моей жизни становится слишком много Лины.

Мне кажется, столько ее не было, даже когда мы жили с ней в одном доме и кувыркались в одной постели.

После неудачных попыток мне дозвониться, она несколько раз по утрам «случайно» проезжает мимо нашей компании на такси, которое «случайно» ломается как раз под окнами моего кабинета. И, конечно, пока водитель делает вид, что ищет поломку, она выходит подышать воздухом и продемонстрировать мне свое декольте. Несколько раз я, естественно, совершенно «случайно» замечаю ее проходящей мимо компаний партнеров, с которыми мы работаем. Один раз она появляется на строительном объекте, делая вид, что присматривает квартиру.

С учетом, что ей приходится пройтись в замшевых ботинках по грязи и пыли, без которых не обходится ни одна стройка, и надеть на голову каску, что слегка сминает ее безукоризненную прическу, это приличная жертва.

Она не подходит ко мне. Знает, что я рядом, вижу ее, но ждет, когда я не выдержу и сделаю шаг.

Надеется, я пойму, что она стоит даже того, чтобы простить ей измену.

Я вижу, как ее провожают жадными взглядами рабочие стройки, слышу их восхищенные возгласы и зависть к тому, кто имеет такую красоту. В них говорит голод по женскому телу, многие из других городов, жены и любимые далеко, видятся редко. Уверен, если бы их мечты сбылись, и они заполучили Лину, быстро, возможно, даже быстрее меня сообразили, что пустота, даже такая эффектная, не греет. Просто дает временную разрядку.

Ребята из мастерской говорили, что Лина заглядывала, интересовалась ценой техобслуживания. У нее нет авто, еще один расчет на нашу «случайную» встречу, который срывается, потому что всю неделю я слишком устаю на основной работе, и могу тупо уснуть во время ремонта машины.

Когда планы Лины срываются, и она понимает, что я не буду нестись за ней вслед, капая жадной слюной и радуясь тому, что все можно списать на случайность, она предпринимает отчаянный шаг.

Ничем иным я это назвать не могу.

Мы сталкиваемся с ней в магазине. У полка с кошачьим кормом. Она терпеть не может котов. Судя по Барсу, который всегда шипел на нее, это взаимные чувства.

А теперь Лина делает вид, что с интересом читает состав какого-то корма, словно переживает, что может случайно отравить пушистого питомца, которого у нее нет и не будет.

– Артем, – она притворяется, что замечает меня только когда я тянусь за пакетиком корма, тут же избавляется от своего, забросив его небрежно на полку, натягивает на лицо смущенную улыбку и разворачивается ко мне.

Ну да, конечно, чтобы я увидел, как тяжело она дышит, только увидев меня. Дышит так, что пышная грудь почти выпадает из тесной преграды.

– Лина, – отвечаю взаимным приветствием, скольжу взглядом по тому, что мне предлагается оценить. – Красивое платье.

Платье не просто красивое – оно обтягивает ее как черная перчатка из бархата, и сшито с единственной целью, чтобы хозяйку этого наряда жестко оттрахали. Его не нужно расстегивать. Достаточно поддеть пальцем край выреза, и пышная грудь сама качнется в ладони. А если взяться за подол короткого платья и, не отнимая ладони, скользнуть вверх, ткань с легкостью оголит длинные ноги, чуть задержится на ажуре чулок, и с готовностью, практически само, поднимется выше.

На секунду с Алины слетает маска радушия – она сморщивает носик, потому что явно ждала не этих слов. Не такой спокойной реакции.

– А я вот, – кивает на полки, – подумываю: не завести ли себе кота.
Рассматриваю цены, и... Дороге удовольствие, не каждый может себе позволить.

Даже если ее кот будет болеть и нуждаться в помощи ветеринара минимум раз в неделю, это все равно раз в тридцать дешевле, чем ее новое платье.

Мне хочется добавить, что любое домашнее животное – это еще и ответственность. Не такая, как хранить верность мужчине. И все же.

Но я молча беру парку пакетов корма для Барса, и уже разворачиваюсь, чтобы уйти, когда Лина, устав притворяться и не надеясь больше на то, что я среагирую на «случайность», оббегает меня.

Поднимает ладонь, отталкивая в сторону капюшон от толстовки, прижимает ладонь к моей щеке и с мольбой заглядывает в глаза.

– Я не могу без тебя, – шепчет она.

И тут же, отражая ее печаль, в карих глазах появляется влага. Лина тяжело вздыхает, качает головой, заставляя длинные каштановые пряди эффектно взметнуться. Холодный расчет, чтобы у меня вновь мелькнуло желание зарыться пятерней в ее волосы, потянуть ее голову на себя, заставить ее приоткрыть губы, впиться в них...

Красивая. Доступная. Жаркая. Смотрит так, будто ей нравится то, что она сейчас видит. Сплошной соблазн в этом платье. И меня не волнует то, как сильно она любит роскошь. Красивая женщина может себе позволить практически все, и многое можно спустить на тормоза, не заметить, простить. Кроме доступности для других.

– Не могу, понимаешь, – с придыханием лепечет она. – Просто... ты так часто отсутствовал... и... Это была усталость, одиночество, попытка до тебя достучаться... Я бы никогда... никогда...

– Для «никогда» уже слишком поздно, Лина.

Ее ладонь приходится практически отдирать от себя. И я легко читаю по ее лицу, что это не точка, она не собирается отступить. Наверное, если бы не покупатели, которые теснят нас немного в сторону, она бы обхватила меня как лиана, прижалась так плотно, как тогда, когда я уходил.

Не понимаю, зачем ей это.

Не понимаю, зачем она так хватается за меня.

Дом оплачен еще на несколько месяцев, она может спокойно и открыто встречаться со своим любовником. Может подцепить кого-нибудь из наших бывших соседей, думаю, там найдется достаточно желающих удовлетворить ее интересы. Может вернуться в квартиру к родителям. Может наконец позволить себе просто влюбиться, без оглядки на кредитные карты и марки машин.

У каждого человека огромное количество шансов, но, к сожалению, многие из них осознаешь лишь когда окончательно упускаешь. Нет смысла в том, что мы топчемся рядом. Чем дальше мы оттолкнемся, тем быстрее окажемся на своей дороге, а не на той, что свела нас как случайных попутчиков.

Моя очередная попытка снова с треском проваливается. Устав притворяться кроткой, раскаявшейся, Лина хватает меня за руку, прищуривает со злостью глаза и цедит каждое слово:

– У тебя ведь все равно никого нет, Жиглов. Никого. Так почему нет? Почему ты не можешь закрыть глаза на «маленький» недостаток, как это делаю я?!

Она так явно подчеркивает интонацией слово «маленький», что не заметить этого невозможно.

Но это уже не удар. Просто ее тупой отголосок.

– Почему мы не можем попробовать снова?! – кипятится Лина, наплевав на то, что на нее оборачиваются.

И я так же плюю на тех, кто становится невольным участником этой трагикомедии, стряхиваю с себя пальцы Лины и поясняю настолько доходчиво, насколько умею.

– Я хочу, чтобы женщина рядом со мной не закрывала глаза на мои недостатки. Хочу, чтобы она принимала меня вместе с ними.

– Но... – Лина задыхается, не зная, что мне ответить, потом принимается хохотать, резко, зло, и бросает в лицо: – Ты думаешь это реально? У тебя же все еще никого нет! Только я и...

Она говорит так, как будто мы расстались как минимум год назад, и у нее самой уже появились дети и муж. Но я настолько устал от этого разговора, бессмысленной встречи и слов, которые не несут за собой никакой смысловой нагрузки, что нахожу быстрый способ все прекратить одним махом.

– Спасибо за телефон, – прерываю ее, и добавляю, чтобы она поняла. – Теперь это мой любимый музыкальный канал.

Иногда, если это не касается темы, что я не вернусь, Лина на удивление быстро соображает. Я вижу, как в ее глазах отражается понимание. Она открывает рот, силится что-то сказать, что-то придумать, но слов нет.

Пользуясь этим моментом, я разворачиваюсь и ухожу. Подальше от полок с кошачьим кормом. Подальше от карих глаз, которые провожают меня. И подальше от платья, которое просто грех не задрать.

По сути, я не солгал. У меня нет времени, чтобы пялиться в экран телевизора, и я не мазохист, чтобы напоминать себе о музыкальном сопровождении, под которое мне изменяли.

Но я благодарен этому каналу за то, что однажды там мелькнуло сообщение Даши.

Не знаю, что из этого выйдет. Огромная вероятность, что ничего. Но мне нравится ощущение того, что мы есть друг у друга. Пока в виде аватарок и сообщений на телефоне, а еще голосов, которые тянутся, стремятся навстречу.

Мне очень хочется снова ей позвонить, вдохнуть в нее чуточку силы, потому что ромашка ощущается немного уставшей, как будто долго не было солнца или дождя. Но стоит мне вернуться домой, как мой телефон оживает сообщением от Лины:

«Если ты не приедешь, Жиглов, завтра уже не будет случайной утренней встречи под офисом».

Что-то не позволяет мне облегченно выдохнуть. Пафосный текст, много слов, все в духе Лины.

Перечитываю ее сообщение и понимаю – нет ни одного смайлика, от которых она без ума. Ни грустных, ни со слезами, ни каких-то нейтральных. Ни одного. Потому что она понятия не имеет, в какие тона окрашивать ультиматум.

«Это будет на твоей совести. Ты никогда себя не простишь», – приходит спустя пять минут.

Матерясь на идиотку, которая, возможно и врет, но все равно, пусть мысленно, пусть на словах, но все же играет со смертью, я отодвигаю от порога кота и снова сажусь в машину.

Глава № 13. Даша

Меня что-то подталкивает позвонить Артему самой, и я так долго кручу телефон в ладонях, что он нагревается.

Не знаю почему, но мне кажется, что сделать звонок сейчас – очень важно.

Но внутри все буквально переворачивается, стоит представить, как он, увидев, что звоню именно я, скривит лицо, как и Костя, когда звонки были не от тех и без повода. А, если и ответит, то лишь потому, что почувствует себя обязанным мне ответить.

Он занят. Если не звонит, значит, занят. Или вообще ему просто не до меня. Он может быть с друзьями, с подругами – с кем угодно. С тем, кто ближе. С тем, кто в реале.

К тому же, надо взглянуть правде в глаза. Я прекрасно знаю, какие дома отстроены за городом. Не все, конечно, встречаются домики и попроще, но некоторые напоминают собой мини-дворцы. Артем вполне может быть владельцем такого мини-дворца: он упоминал про любовь к скорости, машинам и вскользь промелькнуло что-то про подчиненных.

Мы можем быть с ним не просто на разных социальных площадках. Мы можем быть из двух разных вселенных.

Позвонил по приколу, послушал, узнал, кем я работаю, примерно прикинул расклад, понял, что не стоит даже тратить время на встречу.

И вместо него я набираю подругу.

В отличие от меня, она радуется, что я в центре города и просит далеко не уходить без нее.

– Я и с тобой далеко не уйду, – заверяю ее, крутя в руках свои туфли.

Проходящие мимо офиса люди, поглядывают в мою сторону, но без осуждения. В основном, ободряюще улыбаются. Причем так искренне, что я улыбаюсь в ответ. Ну действительно, что особенного? Сидит босая девушка у порога, рядом стоят красивые туфли.

Один из туристов даже фотографирует меня. А когда понимает, что я замечаю, просит разрешения сделать еще несколько снимков. Я хохочу, заметив азарт в глазах мужчины, и позволяю. Почему нет? То немного дурачусь, то делаю серьезное лицо, а потом успокаиваюсь и просто устремляю взгляд в сторону, не переставая поглаживать экран своего телефона.

Фотограф снова приободряется и начинает активно работать фотоаппаратом, то оббегая меня и позволяя рассмотреть свои смешные кудряшки, то прячась в сторону, так, чтобы его совсем не было видно.

– Отлично, – слышу его возбужденные комментарии. – Просто отлично, великолепно...

После небольшой фотосессии он неожиданно предлагает оплатить мне такси, и удивляется, когда я отказываюсь.

– Может быть, тогда – в ресторан? – неуверенно предлагает он.

– Спасибо, но нет, – отказываюсь от предложения. – Я жду подругу. И единственное, чего хочу в данный момент – это чашечку кофе и отдохнуть.

Глядя на то, как светлеет лицо мужчины, понимаю, как же мало человеку нужно для счастья. Мне кажется, когда он уносится прочь, у него сзади на куртке появляются крылья. Или это его яркий и длинный шарф, который прощально мне машет.

Не знаю.

Случайная минутная встреча, которая никого ни к чему не обязывает, но дарит удивительно светлые ощущения.

Ровно до момента, когда приезжает подруга и узнает из моего маленького пересказа о том, что я только что позировала, устала и мне нужна минутка, чтобы морально подготовиться и заставить опять встать на каблучки.

– Даша! – ее и без того большие глаза округляются. – Даша, ты сумасшедшая! А если теперь твои фотографии появятся на каком-нибудь порно-сайте для извращенцев?!

– Ну, – говорю я, пожимая плечами, – в таком случае, это точно сайт извращенцев, если на него будут заходить, только ради того, чтобы полюбоваться на мои босые ступни.

– Нет, ну правда... – горячится она.

И вдруг сдувается, словно шарик.

Повернув голову в сторону, я понимаю, что ее удивило – к нам спешит тот самый фотограф, о котором я только что говорила. Его легко узнать из моего описания по кудряшкам и яркому шарфу. Только на этот раз фотоаппарат просто висит у него на груди, а в руках он держит два картонных стаканчика, и я даже отсюда слышу запах ароматного кофе.

– Это он? – растерянно бормочет Ольга.

– Прячься! – советую я, кивая.

Подруга бросает в мою сторону укоризненный взгляд, потом переводит его на фотографа, который уже близко, всего в двух шагах, и неожиданно густо краснеет. Не знаю уж, что ее так смутило – возможно, то, что он тоже кудрявый, но она действительно немного отходит, практически спрятавшись у меня за спиной.

– Моя благодарность, – фотограф передает мне стаканчик с кофе, бросает оценивающий взгляд на Ольгу и передает ей второй стаканчик. – Мое восхищение.

Забавно наблюдать, как подруга пытается спрятать лицо, приподняв воротник куртки. Но, кажется, фотограф все равно рассмотрел то, что его заинтересовало в первую очередь – ее глаза и пышные, шикарные волосы.

– Нам пора, – тут же нахохливается Ольга, – извините, мы сильно спешим.

– Я и не собирался навязываться, – пожимает плечами фотограф.

– Спасибо за кофе, – распробовав напиток, искреннее благодарю незнакомца, втискиваюсь в туфли, которые кажутся кандалами после долгого дня, и поднимаюсь со своего пьедестала. – До свидания.

– Хорошее прощание, правда? – повернувшись ко мне, наверное, чтобы не смутить Ольгу окончательно, мужчина приветливо улыбается, достает из кармана визитку, передает мне, но говорит, бросив взгляд в сторону Ольги. – Оно дарит надежду на встречу. Буду рад, если так и получится.

Подруга что-то скомкано бормочет, подхватывает меня под руку и заставляет улепетывать от офиса с такой скоростью, что мне с огромным трудом удастся не расплескать кофе.

Минут через десять она оглядывается, и мне кажется, слегка расстраивается, что погони не наблюдается.

Мне кажется, ты ему понравилась, – говорю я и, пользуясь минуткой отдыха, делаю глоток еще горячего кофе.

– Кому это? – ершится она.

– Как кому? Этому извращенцу, конечно.

– Он не... – начинает она заступаться, а потом замечает, что я смеюсь, и отмахивается. – Ладно, ладно, хватит здесь прохлаждаться. Взбодрись и пойдем. У меня на тебя сегодня грандиозные планы!

Пока мы довольно стремительно несемся дальше по курсу, Ольга успевает прочесть мне лекцию на тему того, как сейчас опасно с кем-то знакомиться. И похитить могут, и изнасиловать, и начать шантажировать. К концу ее рассказа я прихожу к выводу, что попасть на простого альфонса – за счастье.

– Это мне не грозит, – отмахиваюсь от данного варианта. – А ты, кажется, увлеклась любимыми передачами своей мамы.

– А еще я читаю форумы и смотрю новости, – угрюмо добавляет она. – Даша, случаи бывают разные. Кому-то везет, но многие попадают. Особенно часто такое, если познакомишься в интернете.

Она снова принимается пересказывать мне грустные истории с невероятно печальным концом, а я невольно ежусь, примеряя эту ситуацию на себя. Я ведь тоже понятия не имею, кто такой Артем. И зачем он мне написал.

То ли дело я. Со мной все понятно – это просто шутка, порыв, не всерьез. Я ведь не собиралась на самом деле знакомиться.

А вот он...

- Ты хоть знаешь, сколько людей ежедневно пропадает в стране? - припечатывает меня окончательно Ольга. - Да хотя бы в нашем городе - знаешь? Он ведь не зря издавна считался бандитским.

- Сейчас так можно сказать про каждый город, - пожимаю плечами, пытаюсь избавиться от холодка, который начинает пронизывать спину.

- Конечно, - соглашается подруга. - И все-таки... Даша, возьмем даже сегодняшний случай... А если бы этот фотограф оказался маньяком, заманил тебя куда-нибудь и... и...

Пока Ольга пыжится придумать вариант пострашнее, я вспоминаю вялую попытку фотографа пригласить меня в ресторан, и снова отмахиваюсь. Да этот маньяк был безмерно рад, когда я его отпустила!

- И потом, Даш, - так и не придумав, что бы мог со мной сделать фотограф, Ольга переводит дыхание и заходит с другой стороны. - Одно дело, когда пропадает человек местный, это хотя бы заметит кто-то из близких. А ты... Ну вот случись что, кто тебя будет искать?

- Вообще-то, я надеюсь, что ты, - пытаюсь перевести все это в шутку, хотя на самом деле мне становится немного не по себе.

Нет, я не думаю, что фотограф маньяк. Но такие ужасы, которые описывает Ольга, мне до этого в голову не приходили. Конечно, нужно быть осторожной, но, если видеть опасность в каждом, постоянно накручивать себя до состояния параноика, можно уже сейчас пешком отправляться в психушку.

Даю себе твердое обещание никогда не смотреть передачи, на которые Ольгу подсадила ее мама. Уж лучше наследство, которое оставил мне Костя - безобидный музыкальный канал.

- Угу, - мрачно ворчит подруга. - Чтобы ты знала, у меня даже заявление не примут. А пока приедут твои родители, пока начнут разбираться, пройдет как минимум несколько дней, и за это время...

От живописного описания того, что со мной может случиться за этот срок, меня спасает то, что мы приступаем к первому пункту грандиозного плана Оли на этот вечер.

- Нам сюда, - подруга уверенно заходит в магазин с сумасшедшими ценами.

Я иду следом за ней, с грустью глядя на стеллажи. В другой момент я бы обрадовалась: как любой девочке, мне нравится шопинг. Но когда руководство предупредило, что зарплата задержится, мне нужно думать не только о том, чтобы остались деньги на еду и проезд, но и чтобы было чем заплатить за квартиру, мои ноги так горят, словно провалились в подземный Ад, а цены на вещи в магазине такие, что хозяин магазина как минимум небожитель, удовольствия ноль.

Минут сорок я послушно брожу между стеллажами, наблюдая, как Ольга разочарованно перебирает одежду, а если что-то и примеряет, но нехотя, будто делает кому-нибудь одолжение, и не выдерживаю.

- Скажи хоть, что конкретно ты ищешь, - прошу ее, чтобы активно включиться в поиски.

- Платье, - вздыхает она. - Мне нужно красивое вечернее платье.

- Зачем?

Я начинаю присматривать что-нибудь подходящее на нее, прикидываю, что хорошо сядет на фигуру и лучше всего подойдет по цвету, и только потом понимаю, что ответа не поступало.

- Так зачем тебе платье?

Оля закусывает губу, прячет взгляд и вздыхает.

И я понимаю ответ. Даже без слов, которые она силится, но не может произнести. Смотрю на два платья, которые выбрала для нее, и одно возвращаю обратно, надеясь, что незаметно, как дрожат мои пальцы.

- Полагаю, – говорю я, – белое нам не подходит. В белом будет невеста.

- Даш... – Ольга громко вздыхает. – Дашка, прости, я не подумала, что... как это... в общем... мне не стоило... просто с мамой же не пойдешь, а у меня только Костя и ты, и...

- Примерь это, – протягиваю ей красивое коктейльное платье небесного цвета. – Мне кажется, тебе должно подойти.

Она, не глядя, берет платье, которое я предлагаю. Сглатывает, переминается с ноги на ногу, взгляд виноватый и... с ноткой сочувствия.

- Перестань, – прерываю поток извинений до того, как они готовы сорваться, – меня это уже не волнует.

- И правильно, – тараторит она. – Дашка, ты такая красивая! На тебя все мужчины засматриваются! Мы пока шли, я же видела! И этот фотограф... Ты обязательно встретишь другого мужчину!

- Ну, допустим, фотографу куда больше понравилась ты, – равнодушно пожимаю плечами, и сама не понимаю, зачем говорю: – А другого мужчину я уже встретила.

- Правда?

Ольга как будто вновь оживает, порывисто обнимает меня, сверкает улыбкой. А мне так плохо, что кажется упаду. Наверное, все дело в этих чертовых туфлях.

- Правда, – продолжаю лгать дальше.

Прикусываю язык, чтобы не развивать эту тему. Пытаюсь завести Ольгу в примерочную, чтобы хотя бы выдохнуть, но она настолько счастлива за меня, что ей не терпится узнать все подробности.

- А как его зовут? Где вы познакомились? У вас все серьезно, да? Дашка, скажи, что серьезно!

Я все-таки заталкиваю подругу в примерочную, чтобы она не заметила, насколько натянуто я улыбаюсь. И когда никто, кроме продавщицы-невидимки не может увидеть меня, отвечаю:

- Артем, - имя слетает легко и само, как будто это действительно правда.

- А где познакомились?

Стоит только представить очередную лекцию на тему того, как опасно с кем-то знакомиться, как фраза «ложь во спасение» перестает казаться мне глупым набором букв. Быстро прикидываю возможные безопасные варианты.

- Он - один из наших заказчиков, - перевожу дыхание после вранья и говорю так, как есть. - И нет, пока не могу сказать, что между нами есть что-то серьезное.

- Почему? - слышу искреннее удивление.

- Потому что я больше не строю планы на будущее.

Вопросы иссякают мгновенно.

За ширмой раздается вздох и упрямое сопение, и я возвращаюсь к стеллажам, понимая, что нам определенно нужно другое платье.

Нам...

Забавная оговорка.

Меня на этой свадьбе не ждут.

- А ты меня с ним познакомишь? - раздается новый вопрос.

- Только после того, как буду твердо уверена, что он не маньяк и в его планы не входит похитить мою подругу.

Под хихиканье и облегченный вдох передаю еще одно платье в примерочную и окидываю задумчивым взглядом наряды. Интересно, а в каком платье пошла бы я, если бы меня все-таки пригласили? Или не пригласили, но я бы там все равно оказалась... случайно...

Глава № 14. Артем

Мне кажется, самое элементарное, что можно сделать – это вызвать для Лины скорую помощь. Но я слабо верю в то, что она действительно хочет что-нибудь с собой сделать.

Шантаж.

Обыкновенный бабский шантаж, на который стоит повестись только раз, и можно смело перебираться обратно, потому что вцепится и уже не отпустит.

В мои планы это не входит, но Лину точно необходимо встряхнуть. Возможно, тогда она откроет глаза и посмотрит на ситуацию без романтических рюшек, когда она стерва, но настолько красивая, что он готов расстелиться ковриком у ее ног. Ходи, дорогая, дырявь меня каблуками – лишь бы не поскользнулась.

Обстоятельства могут меняться, внешность, статус, вкусы, привычки, но не принципы и характер. Возможно, выгляди я как раньше, ей было бы проще принять то, что между нами уже все закончено. А так она вбила себе в голову, что никуда я не денусь, а если и денусь, то достаточно погрозить поводком с шипами, чтобы снова вернулся.

Охрененные выводы.

Как знать, возможно, ее тактика была бы логичной, будь я уродом всю жизнь. А я просто таким однажды проснулся.

Поначалу казалось, что стоит снова уснуть, и этот кошмар рассеется, разорвется, как старая тряпка. Потом пришлось принять этот факт и пытаться бороться. А после принять и другое, что этот кошмар – теперь и есть моя жизнь.

Сумерки сгущаются, в них вливается туман, в глаза ударяет свет фар, и дорога начинает напоминать какой-то тоннель в зазеркалье, который втягивает в себя серыми кляксами.

Идеальное отражение моего состояния.

И хорошо, что машина как будто сама знает дорогу, позволяя мне отвлекаться на чушь, которая в данный момент уже не имеет значения.

– Толик, ты дома? – набираю по пути номер еще одного лучшего друга, и услышав ответ, продолжаю: – Я буду через пять минут. У тебя есть белый халат?.. Отлично, захвати его и какие-нибудь лекарства... Слабительное тоже... и от диареи... угу, ты правильно понял.

Через пять минут Толик уже стоит у высоких красных ворот. В одной руке небольшой чемоданчик, в другой – как и заказывали, белый халат.

– Есть вероятность, – предупреждаю, когда он садится в машину, – что я нашел тебе пациента.

– Я даже боюсь себе представить, что это за пациент, – усмехается Толик, – если практически ночью ему может понадобиться помощь психиатра, вооруженного домашней аптечкой.

– Это Лина.

По дороге я кратко ввожу его в курс дела, в том числе упоминаю, зачем нужен белый халат, и он выдает шедевральную реплику:

– Н-да, зря я градусник целых три минуты искал...

Мы подъезжаем к дому, в котором я раньше жил, и здесь все по классике – во всех окнах готическая темень, которая должна нагнетать, приглушенный свет лишь в гостиной, дверь – понятное дело, открыта, потому что ключей у меня уже нет.

Толик бросает куртку на заднее сиденье, натягивает халат, подхватывает чемоданчик и тут же делает строгое лицо, как и полагается доктору скорой. В доме нас встречает грустная мелодия Баха, и я с трудом воздерживаюсь от мата. Похоже, Лина уже ничего не может делать без музыкального сопровождения.

Хозяйка дома обнаруживается в гостиной – и здесь все тоже по всем драматическим канонам. Она лежит на диване в эффектной позе Дездемоны, которая ожидает Отелло – рука свисает вниз, демонстрируя обновленный маникюр в черных тонах. Волосы не просто распущены, а уложены красивой волной. На лице макияж. Короткий пеньюар чуть распахнут, чтобы каждый входящий зашел и сразу же пожалел красоту, которая по его вине может вот так вдруг увянуть. И как вишенка на этом тортике грусти – весь дом пропитан духами.

Так и видится, как в последнюю минуту перед нашим приездом Лина пишет не записку с обвинениями, где во всем виноват только я, а бежит по комнатам с ароматным флакончиком тех самых духов, которые я когда-то и подарил. Мол, смотри, бессердечная сволочь, все это из-за тебя, меня уже практически нет, но я тебя еще помню!

Мы с Толиком понимающе переглядываемся. Я прислоняюсь к косяку двери и попросту наблюдаю. А он, с трудом совладав с мимикой, снова делает угрюмое лицо доктора и входит в гостиную с громким окриком:

– Так, и где у нас здесь больной?

Больная, услышав голос незнакомого мужчины, вздрагивает, но глаза не открывает.

– Так, что у нас здесь... – Толик окидывает взглядом стакан с водой и пустой блистер таблеток на столике возле дивана и приближается к Лине. – Ага, вот и больной!

Он присаживается на диван, задумчиво щупает пульс девушки, а потом устремляет взгляд на ее грудь, едва прикрытую кружевом пеньюара, и озвучивает решение:

– А теперь послушаем сердце...

И все бы ничего, думаю, Лина спокойно бы переживала холодное прикосновение стетоскопа, но Толик, распахнув ее пеньюар еще больше, видимо, решил послушать сердцебиение ухом – это же быстрее, а она умирает! И когда он уже начинает склоняться над девушкой с благими намерениями, случается чудо – больная открывает глаза!

– Так, хватит! Прекращаем этот театр! – Лина довольно сильно как для умирающей отпихивает от себя доктора, приподнимается, запахивает пеньюар, оборачивается и устремляет на меня полный негодования взгляд. – Не ожидала от тебя, Жиглов!

– Чего именно? – уточняю прохладно. – Тебе было скучно – я придумал, как тебя можно развлечь. Или я тебя неправильно понял? Нужно было вызвать скорую, чтобы тебя определили туда, куда помещают всех суицидников?

Лина силится что-то сказать, но, присмотревшись ко мне внимательней и осознав, что я не шучу, издает только выдох и прикусывает губу.

У меня начинает раскалываться голова от этой напускной обиды. И от сильного запаха духов. И от мелодии Баха. Заметив, как Лина сосредотачивается, чтобы выдавить слезы, резко выдыхаю, чтобы не сорваться.

Лина подскакивает с дивана, хочет ко мне приблизиться, чтобы я убедился – в ее глазах уже влага! Она так страдает! И все, что ей было необходимо – только еще раз увидеть меня...

Театр.

Точно театр.

Но ей нужно больше работать не над оформлением сцены, а над эмоциями, потому что все это выглядит жалко, мерзко, и отталкивает от нее еще сильнее, чем раньше.

– Артем... – голос Лины срывается, пауза, выдох, грудь высоко вздымается, а пеньюар от ее шага снова распахивается как будто бы невзначай.

– Повторение репертуара, – мой голос удерживает бывшую любовницу от того, чтобы кинуться мне на шею.

– Ну и урод же ты! – бросает она уже без надрыва, позволяя вырваться настоящим, живым эмоциям.

Я усмехаюсь, прекрасно зная, что она видит в данный момент.

– Кстати, Лина, это действительно доктор, – говорю сухо, спрятав улыбку. – И если у тебя мелькают мысли что-нибудь сделать с собой, чтобы я почувствовал свою вину и вернулся, мой тебе совет – используй возможность и поговори с ним. Потому что предупреждаю сразу и один раз. Если я получу еще хоть одно сообщение от тебя подобного рода, хоть один звонок, будь уверена, я сделаю именно так, как и говорил. Не думаю, что в психушке жить лучше, чем в этом доме. Но в любом случае, это будет твой выбор.

Развернувшись и не глядя на нее больше, я выхожу из дома под сопровождение Баха и крики:

– Урод! Ты полный урод!

Ну здесь ей даже играть не приходится – реплики звучат эмоционально и отражают сущую правду.

Как там у Станиславского?

Верю.

Закрыв за собой дверь, я спускаюсь по ступенькам, сажусь на одну из них, и пока жду, когда выйдет Толик, закуриваю сигарету.

Ночь впитывает в себя дым от пяти сигарет, но друг по-прежнему в доме.

Он появляется, когда я почти расправляюсь с шестой. Бросает неодобрительный взгляд в мою сторону, словно не психиатр, а нарколог, но от комментария воздерживается.

- Она выговорилась и уснула, - отчитывается о проделанной работе и прислоняется к колонне крыльца. - Склонности к суициду я не заметил - она слишком любит себя. Слишком вкладывает в себя, чтобы уничтожить такую красоту. Растеряна, немного подавлена, но не из-за сильных чувств к тебе, уж прости. Скорее, ей страшно выйти из привычной зоны комфорта.

Он выдерживает небольшую паузу и все же добавляет, глядя не на меня, а в сторону, словно рассматривая забор.

- А вот о том, что сделала, она сожалеет.

Может, и так. Но все это уже не имеет значения.

Закончив с сигаретой, я первым выхожу за ворота, надеясь, что был здесь в последний раз. Хотя что-то подсказывает, что лучше не надеяться, а не пожалеть времени и поставить в церкви свечу, чтобы Лина быстрее нашла для себя новую зону комфорта.

В горле першит от дыма, глаза режет от усталости и гаджетов, правая щека какого-то черта принимается ныть, простреливая узнаваемой болью от уха к затылку.

"Отличный" вечер.

Не удивлюсь, если завтра будет не менее "прекрасное" утро.

Глава № 15. Даша

Наши отношений с Артемом (если их можно назвать отношениями) постепенно сходят на «нет».

Ломать всегда проще, чем строить, а строить, не видя фундамента, вообще невозможно.

Один раз он звонит тогда, когда я на работе и не могу говорить. Один раз я набираюсь храбрости и звоню в момент, когда ему говорить неудобно. По одному звонку, когда ни он, ни я не успеваем подойти к телефону. И у нас остаются только редкие сообщения в вайбере.

«Доброе утро», «Хороших снов», «Как дела?».

И заготовленная фраза с обеих сторон – «Все в порядке».

Не знаю, возможно, у него действительно все хорошо. Я же за этой фразой прячу реальность и прячусь сама.

Я не могу рассказать постороннему человеку о том, что меня всю неделю словно кто-то испытывает на прочность и заставляет не раз с вожделением поглядывать в сторону чемодана.

Не могу рассказать, как мне не хватает какого-нибудь уголка, чтобы просто побыть в одиночестве. И не думать. Хотя бы час не думать ни о заказах, ни о квартире, ни о деньгах, ни о том, о ком уже давно нужно забыть, но не получается, как ни стараюсь. Перед глазами часто мелькает белое платье разных фасонов, и я пытаюсь угадать: какое наденет она.

Та, которую я ни разу не видела.

Та, которая, по словам тех, кто видел ее, очень напоминает меня, но... не я.

Мне кажется, я вообще не могу сейчас адекватно общаться с людьми, потому что представляю собой какой-то сгусток негатива и неудач. И с каждым днем этот сгусток ширится и растет, пытаюсь поглотить ту меня, которая любила часто смеяться, а теперь выдавливает улыбку; ту меня, которая любила бывать у друзей, а теперь избегает их, чтобы они не заметили, как сильно я изменилась.

И главное – чтобы не рассказали об этом Косте.

Я не хочу выглядеть в его глазах неудачницей, которая не смогла отряхнуться и пойти дальше. Не хочу, чтобы в глазах, которые некогда смотрели на меня пусть не с любовью, но теплотой и желанием, отразилась даже секундная жалость.

Мне нужно выкарабкаться, продержаться, я убеждаю себя, что если стараться, если хотеть, то однажды все наладится. Мечты ведь сбываются, правда? Но пока я только и делаю, что царапаю эту реальность, а она как стальной кокон, покрытый мягким бархатом унылого серого цвета – оставляет следы, но не гнется. И не меняется, представляя собой идеальную форму – замкнутый круг.

Невозможность нормально выспаться накладывает свой отпечаток на внешность. Круги под глазами замечает даже Татьяна Борисовна. И мне уже не кажется, я действительно вижу ее тихую радость.

– Вам нужно высыпаться, Даша, – говорит она с таким напускным сочувствием, что меня едва не подташнивает. – Вам же ничего не мешает. А хороший внешний вид очень важен, мы ведь работаем с людьми.

Она прекрасно знает о моих стесненных условиях. Прекрасно знает, что хочу, но не могу пока переехать. Поэтому, я уверена, что фраза про то, что мне ничего не мешает – это намек на мое одиночество.

Ну да, естественно. Ее взгляд в сторону Дмитрия Викторовича, который притворяется глухим и слепым – становится тому подтверждением.

Но здесь мне возразить нечего, да и не хочется. Нет, можно попросить кого-нибудь из своих знакомых позвонить мне и начать нести чушь, чтобы было слышно, как меня ценят и любят.

Но это не те зрители, ради которых стоит стараться и жевать свою ложку. У нас только бизнес. Бизнес и ничего личного.

А что касается «мы» – это довольно спорный момент. Практически всю неделю, как и обычно, людьми занимаюсь я. Дмитрий Викторович шуршит мужскими журналами и чем-то любит в интернете. Татьяна Борисовна все это время занимается вопросами переезда, как будто это не дело пятнадцати минут – найти в большом городе небольшое авто, которое перевезет вещи из этого офиса в новый.

Раньше она хотя бы искала новых заказчиков, а теперь чаще парит в облаках, чем работает.

– Мы должны научиться работать с теми заказами, что у нас уже есть, – вот ее аргумент. – Нужно просто проникнуться этими должностями. Много кто хочет работать. Наша задача – найти этих людей и свети с заказчиком. Это элементарно. У вас обязательно получится, Даша. Иногда я вижу в вас себя, когда начинала работать HR-ом.

Она расщедривается настолько, что выдавливает улыбку. И, наверное, я должна чувствовать себя польщенной от этого комплимента. А я смотрю на нее и вижу женщину, которую не интересует ничего, кроме любовника, которого нужно тащить на себе. Женщину, которая в свои тридцать пять выглядит на сорок с небольшим хвостиком. Женщину, которая, как по мне, бездействием при наполеоновских планах, сама делает все, чтобы ее маленький бизнес перестал страдать от арендной платы и налогов и тихо отдал концы.

И нет, я не хочу, чтобы между нами было хотя бы элементарное сходство.

И не хочу ждать, когда мои прогнозы по поводу этой компании сбудутся. Нужно уйти, но как уйти, если моя зарплата все еще здесь?

– Я же предупреждала, – напоминает Татьяна Борисовна. – Но если вы закроете новый заказ, то можете рассчитывать на аванс. Мне кажется, так будет справедливо.

Я бы многое рассказала начальнице о том, что такое справедливость в моем представлении. И, возможно, я так и сделаю, но только после того, как получу свои деньги. Я не хочу оставлять свои деньги им. Да и попросту не могу позволить себе так дорого заплатить за поджог фитиля, который и без того давно тлеет.

Другими словами, у нас «высокие» рабочие отношения.

Но однажды я узнаю, что личное в этих отношениях все-таки есть.

Глава № 16. Даша

Я считаю, что если проникнуться заказом, если загореться им, кандидата найти значительно легче. Поэтому предупреждаю Татьяну Борисовну, что опоздаю и иду в магазин, где уже несколько месяцев требуется продавец женских сумок.

Зарплата, конечно, маленькая, график не очень удобный, но хорошая транспортная развязка, в чем я убеждаюсь на собственном опыте. И потом, у некоторых на женские сумки болезнь. Если удастся найти подходящего человека, и ему удовольствие смотреть каждый день на свои анаболики, и мне плюс к зарплате.

Я иду на полном энтузиазме, предвкушая, как буду заражать им соискателей, но уже через пятнадцать минут покидаю магазин, окончательно внеся заказ в «нереальные». Сумки дешевые, или ручка, или замок, или побрякушки на них порвутся в первую же неделю, и потом придется выслушивать недовольство и исправлять брак своими руками, как это в углу делала уставшая продавщица.

И вокруг не удовольствие, а грусть – что на полках, что на лицах тех, кто вынужден обойтись такой сумкой.

Я отпрашивалась на два-три часа, а справилась значительно раньше. Домой все равно не вернешься, по магазинам без денег не погуляешь, поэтому я иду в офис. Ну и как обычно случается, когда приходишь без предупреждения, тебя ожидает сюрприз.

Приближаясь к нашему кабинету, я слышу довольно громкие и резкие голоса. Я бы очень удивилась, если бы один из них принадлежал Дмитрию Викторовичу, но скорее всего, он как та продавщица, молча сидит в углу. Говорят двое – Татьяна Борисовна и женщина, которую я не знаю.

Понятия не имею, что меня заставляет остаться стоять у приоткрытой двери, а не просто войти, как обычно. Скорее всего, обрывок фразы, которая долетает.

– ... Ты бы ее видела! – горячится Татьяна Борисовна.

И почему-то я знаю, что речь обо мне. Даже не слыша имени, знаю. Наверное, я просто видела, что она кипит изнутри, в последнее время особенно, и подсознательно ждала, когда же ее рванет.

– Ну а что с ней не так? – удивляется женщина. – Таня, ты же сама ее отбирала. Из многих кандидатов, кстати. И она делает хорошие продажи. Сколько она закрыла вакансий в этом месяце? Шесть? Ты у меня закрывала столько же, и я считала тебя лучшим сотрудником.

– Свет, ты просто не видишь, как она крутит задом перед Димкой! – ошарашивает меня начальница. – Он уже и смотреть в ее сторону не может. Это же стыд – то джинсы, которые едва не спадают с бедер, то юбки и платья... Они какие-то... вызывающие, обтягивающие. А блузы! Да у нее все блузы с декольте!

– Таня-Тяня, – слышится смех. – Ты же видела, что девочка молодая и симпатичная. Когда же ей носить красивые вещи? Ей, в отличие от нас с тобой, скрывать пока нечего.

Моя начальница затихает. Наверное, просто в шоке от того, что кто-то осмеливается указать ей на некоторые недостатки или напомнить о возрасте. А мне хочется схватиться за голову и заорать, чтобы до нее наконец-то дошло: мне не нужен ее любовник! Я не смотрю на него – я его попросту не замечаю! А глаза он не поднимает, потому что, когда целый день ничего не делаешь, ресницы слипаются – ему элементарно скучно и хочется спать!

Меня начинает мелко лихорадить от эмоций, которые я пытаюсь сдержать. Ну это же глупость... это полная глупость...

Зачем мне ее никчемный Дмитрий Викторович? Который настолько стерся, настолько согнулся под гнетом власти своей любовницы, что его впору называть Дмитрием Татьяновичем.

– Тань, – слышу вновь голос незнакомой женщины, – перестань нести чушь. Ты и меня к Димке ревновала настолько, что уволилась и открыла собственное агентство. И девчонку теперь изводишь. Если она тебя не устраивает, я могу ее взять к себе.

– Нет, – отрезает жестко моя начальница. – Мы вообще собираемся расширяться, я думаю заняться еще и туристическим бизнесом... Сейчас не подходящее время. Но у меня есть новость, которая должна прекратить это ее...

Дальше я слушать просто не в состоянии. Вернее, не в состоянии слушать и не иметь возможности что-то сказать в ответ.

В одном наши мысли с Татьяной Борисовной сходятся – сейчас неподходящее время для моего увольнения. Поэтому я выбираю тактику отступления – направляюсь в курилку, пытаюсь успокоиться и как-то настроить себя на то, что мне все это только слышалось.

Не знаю, что привиделось начальнице по поводу меня и ее любовника. Это так же нелепо, как придирки к моей одежде. Да, это не офисный стиль, но в городе солнца невозможно ходить закрытым, попросту задохнешься. И потом, я не ношу мини-юбок, единственное, что оголяют джинсы – шиколотки, а декольте у меня не пытаются продемонстрировать всем окружающим цвет бюстгалтера.

Я настолько погружаюсь в свои мысли, что практически налетаю на какого-то человека.

– Извините, – бросаю поспешно и пытаюсь его обойти, но мужчина не больно хватает меня за руку и разворачивает к себе, заставляя взглянуть на себя. И я добавляю уже с другой интонацией, когда его узнаю. – Ой, извините.

– И так всегда, – улыбается он, отпуская меня, а когда я хмурюсь, не понимая, к чему его реплика, Дмитрий Викторович поясняет с заметной охотой. – Ты всегда, когда идешь, смотришь или на дорогу, или вдаль. А так ведь нельзя. Нужно быть здесь и сейчас. А ты уже там, где твой взгляд. Мне кажется, так можно пропустить много интересного.

В свете того, что я только что услышала под кабинетом, его слова несут подтекст, который мне неприятен. Как будто самое интересное, что я только что, и, возможно, уже не раз пропустила – это он.

– Думаю, – говорю по возможности мягко, – если это действительно что-то интересное, я обязательно это замечу.

Пожалуй, мы никогда не стояли так близко друг к другу. И никогда не разговаривали один на один. И я впервые замечаю, что у него удивительное лицо – не в том смысле, что красивое. Нет, он симпатичный, но на любителя, потому что у него мягкие, немного женственные черты лица, про таких говорят: «смазливый».

Просто его лицо словно непроницаемое. Глаза живые, но они как будто на глиняной маске, поэтому выглядит это немного жутко.

Пытаюсь представить себя в объятиях этого мужчины, и невольно морщусь – настолько отвратительная мелькает картина.

– Что случилось? – подмечает мгновенно Дмитрий Викторович.

– Ходила к заказчику, – говорю ему, – немного натерла ногу туфлями.

– Новые, – замечает он, бросив взгляд вниз.

Я выдавливаю улыбку, киваю и под предлогом, что хочу сначала перекурить, чтобы с энтузиазмом приняться за работу, наконец удаляюсь в курилку. Хорошо, что она находится на распутье, и не понятно, что я шла не из лифта, а от кабинета. Хорошо, что у меня в сумочке есть эти мерзкие сигареты с охлаждающим ментолом. Потому что мне действительно нужно хотя бы десять минут, чтобы попытаться остыть.

Дмитрий Викторович не угадал на счет туфель. Они прошлогодние. Но в офис я их обула впервые.

А он это заметил.

И теперь вопрос: это простая наблюдательность, которой не отличаюсь я, или стоит задуматься, что еще «интересного» мне удалось пропустить?

Например, с каких пор и когда мы с Дмитрием Викторовичем успели переключиться на «ты»? И самое интересное – какова будет реакция Татьяны Борисовны, когда она тоже это заметит?

Нет, от этих мыслей можно на самом деле взорваться. Буду считать, что его «ты» – это случайная оговорка, и она не имеет ничего общего к степени близости и границам, которые люди сами возводят и сами ломают, когда им удобно.

Глава № 17. Даша

Когда я возвращаюсь в кабинет, там уже только мое руководство. Теперь я замечаю, как внимательно Татьяна Борисовна осматривает мои джинсы и блузу, когда я снимаю куртку. И, видимо, что-то снова ее не устраивает, потому что она на секунду прищуривается, а потом выдает ту самую новость:

– Мы с Дмитрием Викторовичем скоро поженимся!

– Поздравляю, – говорю я, не желая даже искать других слов и изображать дикую радость.

О том, что они любовники, я знала еще когда только устраивалась сюда на работу. Какое мне дело, что они решили узаконить свои отношения? Хотя по напряженному взгляду начальницы понимаю, что она несколько разочарована – точно ждала какой-то более бурной реакции.

Извините, мои эмоции чуть припорошены ментолом и дымом. А на подарок по такому радостному событию, даже если бы и хотела потратиться, все равно денег нет.

– И так как мы скоро уедем в небольшой свадебный отпуск, – продолжает начальница, – я бы хотела обсудить еще кое-что...

Я слушаю вполуха то, что она говорит о перспективах компании. Какая-то нелепость – при таком скудном бюджете мечтать захватить целый мир. Какой туристический бизнес? Это огромные вложения, ниши четко разделены. О, Боже, она хочет заняться организацией именно экстремального отдыха...

Но у нее самой к нему ноль наклонностей. Из разговора я узнаю, что они с Дмитрием Викторовичем в своем путешествии предпочитают просто отсидеться у подножия гор, сидеть при свечах и каминах и любоваться закатами. А ведь могли бы продумать что-то экстремальное, присмотреться, проверить на собственном опыте, сделать первый шаг в сторону нового бизнеса.

Но руководство в качестве первого шага озвучивает иную, не менее нелепую цель – надо сделать красивые, новые визитки, на которых будет указано уже два направления деятельности.

– Я бы хотела вас попросить этим заняться, Даша, – говорит Татьяна Борисовна. – Мне нужно что-то эксклюзивное не только для визиток, но и для буклетов. Возможно, нужно будет даже найти какого-то начинающего художника, фотографа, дизайнера – кого-то, у кого есть чутье и вкус. Это не к спеху, и все же... А то у меня столько дел, сейчас вот надо ехать выбирать платье и костюм.

Все же иногда у Татьяны Борисовны слова не расходятся с делом. Сказала, что надо уехать – и тут же за двери. Вместе с будущим мужем, который вяло пытается отбиваться, что у него разговор с каким-то заказчиком.

– Я сама с ним поговорю, по дороге, – отмахивается она. – Ты же знаешь, у меня это получится лучше.

Я уже даже не удивляюсь, что мужчина с легкостью проглатывает намек на ее превосходство над ним. И облегченно выдыхаю, когда остаюсь одна. Дышать становится легче, а чтобы глотнуть еще больше свободы – я распахиваю окно и жадно впитываю в себя вольный весенний ветер.

Хотела бы и я так, как он...

Чашечка кофе, когда никто не сверлит взглядом спину. Приветливые окна домов напротив и других бизнес-центров, где и живут и работают люди, которым, возможно, однажды тоже было несладко, но они все смогли, настраивают на позитив, проветривают голову, снимают легкую головную боль и дарят чуточку вдохновения.

Я неожиданно вспоминаю, что у меня есть один знакомый фотограф и нахожу визитку, которая выдает его имя – Максим Щавель. Кстати, отличное имя – один

раз услышишь, и не забудешь.

Пытаюсь продумать наш разговор, как я буду ему объяснять, кто я такая, поэтому мой голос звучит поначалу чуть напряженно. Но вскоре оказывается, что волновалась я совершенно напрасно.

Стоит только упомянуть про то, как я сидела на ступеньках с туфлями в руках, как фотограф меня узнает. Увы, разработкой логотипа, визиток или буклетами он не занимается – не тот уровень. Но пару контактов дизайнеров и фотографов в этой сфере обещает мне дать.

– Но только с одним условием, – говорит он. – Если вы придете на выставку.

– А что за выставка?

– «В ритме большого города», – поясняет фотограф. – Интересная современная выставка, которая каким-то чудом объединила в себе трех талантливых личностей.

– И одна из них – вы? – не могу удержать улыбки.

– Я – ее главный талант, – усмехается он. – И мне бы очень хотелось, чтобы вы это увидели и сами все осознали. Так что, Даша, буду вас ждать. И потом, это же не просто так – вы ведь тоже заинтересованы, чтобы мы с вами увиделись.

– А по телефону нельзя? – надеюсь на чудо. – Я посмотрю в интернете ваши работы, готова даже сейчас... А вообще, я почему-то уверена, что они гениальны. А вы мне – контакты, а?

– Нет уж, – смеется он. – Приходите в эту субботу или воскресенье. Как только придете на выставку – позвоните, и я подойду. Только так, Даша. Только так. И да, захватите с собой подругу. Два восхищения мне будет приятней, чем одно.

Возможно, мне бы и удалось поторговаться с ним и все же уговорить. Но мне действительно хочется увидеть выставку. Может быть, я не только смогу убедиться в гениальности фотографа, но почувствую какой-то иной, более подходящий мне, ритм этого необычного города, состоящего из моря, песка и

солнца, но предпочитающего частенько разбрасывать камни.

Но на самом деле, я думаю, что эта выставка – тот маленький шаг, который нас иногда заставляет сделать судьба. Смотрит, смотрит, как мы стараемся, но упрямо идем не в те стороны, вздыхает – и пытается хоть что-то исправить.

Глава № 18. Даша

Неделя у меня выдается насыщенной и напряженной – то ревность начальницы, то странные взгляды ее любовника в мою сторону, то переезд в новый офис. Он состоит из двух кабинетов – один метров шестнадцать, второй метров семь, и меня более чем удивляет, что Татьяна Борисовна решает занять место отдельно от нас.

– Это будет кабинет руководства, – заявляет она с гордостью, – надо будет заказать табличку.

Ну да, конечно. Самое время тратить время и деньги на то, чтобы почесать свое самолюбие.

Меня удивляет, что при такой паталогической ревности, она располагает стол Дмитрия Викторовича в одном кабинете со мной. Удивляет, что его не волнуют ее оговорки про то, что хозяйка и руководитель компании здесь только она. Впрочем, меня слишком многое в последнее время удивляет в своем руководстве.

Как и то, что мне все-таки выплачивается какая-то сумма из тех денег, что я заработала.

Но хотя бы на выставку теперь можно идти в настроении. Правда, не знаю, кто радуется этому событию больше – я, потому что это расширит мой кругозор, я смогу пообщаться с забавной творческой личностью и заполучить контакты, которыми он обещал поделиться. Хозяйка моей квартиры – потому, что это мероприятие займет как минимум половину дня, и она сможет спокойно провести выходной. Или Ольга, которая, подумав, приходит к выводу, что да,

она все же понравилась фотографу больше, чем я. Не зря ведь он настаивал на том, чтобы я пришла не одна!

Думаю, что не зря. Хотя кто знаете этих творческих личностей, мне иногда кажется, что за одним лицом можно увидеть не одну, а несколько сущностей. Ну а как бы иначе они возвращались в реальность из своих фантазий и троп гениальности? Кто-то же дергает их время от времени вниз, заставляя опомниться и оглянуться.

В общем, на выставку я собираюсь так, как будто иду на свидание. Даже ощущения те же – немного волнения, предвкушения и ожидания чего-то необычного, чего-то, что пусть капельку, но изменит мой мир.

Заметив Ольгу у галереи, понимаю, что не только я расстаралась. И пышные волосы уложены красиво, и макияж интересный. А еще сегодня подруга предала любимые джинсы, и теперь немного мерзнет под порывами ветра в платье, которое очень красивое, да, но больше подходит для лета. И куртка ничуть не спасает, потому что ее невозможно натянуть на колени.

Я тоже в платье, но оно из плотной и теплой ткани. Не обтягивает, но и не позволяет ветру раздувать его в стороны. Ольга же выглядит как зонтик, который время от времени разлетается и его приходится ловить, чтобы не улетел в небо.

– Привет, – вздыхает Ольга, подхватывая и прижимая к себе платье, которое настойчиво старается улететь. – Надо было нам все-таки вчера на выставку идти – вчера не было такого сильного ветра!

– Угу, – поддакиваю я, старательно сдерживая смех, – вот только вчера кто-то говорил, что у него эта суббота давно расписана по минутам.

– Ну да, просто я уже договорилась на маникюр, педикюр, депиляцию и... – заметив все-таки, что я прячу улыбку, она немного смущается, а потом воинственно вскидывает подбородок. – Что?

– Ничего, – пытаюсь успокоиться, но получается слабо. – Не знаю, какие у Щавеля на твой счет планы, но мое мнение – ты правильно сделала, что подготовилась на все случаи жизни.

– Дашка! – щеки подружки алеют. – Я даже не думала... ты... все, я теперь не пойду!

Смеясь, я подхватываю Ольгу под руку, чтобы она не сбежала, тащу ее в сторону галереи и по пути нахожу весомые аргументы, чтобы все же зайти.

– Во-первых, он увидит только то, что ты позволишь ему сама. Я имею в виду, что про депиляцию он может и не узнать. Во-вторых, внутри помещения ветра нет. А так как это выставка гениальных личностей и она пользуется успехом, а у тебя теперь одна рука занята, – добавляю я, когда подружка начинает упрячиться, – и ты не в силах удерживать подол платья, может так случиться, что о твоей депиляции будет не в курсе один только Щавель.

На самом деле, я сильно лукавлю – потока зрителей или очереди у входа не наблюдается. Но на подружку моя угроза действует так, как и нужно – она ахает и практически добегает до двери галереи. Я едва за ней поспеваю.

У входа она чуть задерживается, оглядывается на меня, решительно выдыхает и заходит.

Я делаю так же, чтобы сбить волнение, которое вдруг усиливается. Удивительно – мне даже чуточку страшно. С чего – непонятно. Фотограф меня интересует лишь в качестве талантливой личности, так что трепещу я точно не по поводу встреч с ним. И все же у меня четкое ощущение, что сравнение со свиданием было не зря.

Нелепо и странно, но я чувствую себя так, как будто иду не посмотреть фотографии, а на встречу с мужчиной, который мне нравится, но об этом пока даже не знает.

Глава № 19. Даша

Я редко бываю на выставках, поэтому меня удивляет, что вопреки тому, что помпезное открытие было вчера, сегодня все равно в галерее довольно много людей. Гардеробная – по желанию, но Ольга очень хочет продемонстрировать

свое платье, поэтому говорит, что здесь душно и убеждает в этом меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ruchey_natal-ya/na-oskolkah-tumana

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)